

ТАТЬЯНА МИНЕНКОВА

Следствие
ведёт
Мальвина

УБЙЦЕ НЕ СПРЯТАТЬСЯ

18+

Татьяна Миненкова
Следствие ведет Мальвина
Серия «Мальвина», книга 1

<https://litres.ru/72729352>

SelfPub; 2026

Аннотация

Никто не знает, зачем Алина Малинина перевелась из краевого управления в следственный отдел маленького городка: ни начальник, ни ленивый сосед по кабинету, ни тот, на чью помощь она рассчитывает. О причинах её появления известно лишь убийце, которого она ищет. Он знает больше остальных и ведет с Алиной свою игру.

Книга вошла в шорт-лист конкурса Литрес "Со слов очевидцев"

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Украденное дело	7
Глава 2. Сломанные куклы	20
Глава 3. Полосатый клатч	35
Глава 4. Неожиданная встреча	46
Глава 5. Шаги назад	58
Глава 6. Приёмы борьбы	69
Глава 7. Ужасные соседи	82
Глава 8. Новые знакомства	94
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Татьяна Миненкова

Следствие ведет Мальвина

*История является художественной. Все
совпадения ситуаций, имен и фамилий – случайны.
Приятного чтения!*

*Посвящается тому, кто когда-то рискнул жениться на
одногогруппнице за печенье. Люблю тебя. Сейчас и всегда. В
любом из реальных и вымышленных миров.*

*История является художественной. Все совпадения си-
туаций, имен и фамилий — случайны. Приятного чтения!*

Пролог

The Game Is Afoot – Eternal Eclipse

В эту могильную плиту можно смотреться как в зеркало. Девушка на черном граните – я. Прямой нос, губы со знакомой полуулыбкой. Взгляд, устремлённый вдаль. Густые волнистые волосы – серые линии гравировки на граните совсем не передают цвет. Тонкая длинная шея, на похоронах скрытая розовым шарфом, и красивые ключицы в полукруглом вырезе платья.

Хорошо помню день, когда было сделано фото – в Новый год пару лет назад. Веселый и шумный. Тогда ничего не предвещало беды, горя и смерти. Они всегда приходят неожиданно, одинаково неприятно удивляя и тех, кого забирают с собой, и тех, кого зачем-то оставляют страдать в одиночестве.

Видеть саму себя на памятнике, в окружении успевших выцвести траурных венков, должно быть странно, или даже жутко, но мои чувства иные. Я невозмутимо сажусь на корточки и, достав из черной каменной вазы подвявшие розы, ставлю свежие. Кладу в блюдо у плиты несколько прямоугольников миндального печенья. На кладбище тихо и пусто, только вороны выются в небе, в ожидании моего ухода. Им не терпится поскорее начать пир, а я никак не могу заставить

себя уйти.

На могильной плите моя фамилия, и моё отчество. Лишь имя написано с одной единственной ошибкой. Дата рождения тоже моя, а с указанной на памятнике даты смерти незаметно пролетел год — я провела его в каком-то мутном анабиозе. И совсем ничего не изменилось, кроме меня самой.

Бело-розовые лепестки сыплются из разваливающихся бутонов на серую кладбищенскую плитку. Сжимаю стебли, позволяя шипам до крови колоть ладони. В этом году осень холоднее. Ветер уже носит между могил сухие опавшие листья. Играет с ними, сгребая их в горки и взрывая разноцветными фейерверками. Швыряет под ноги.

Поплотней запахнув куртку, я прощаюсь с девушкой на могильной плите и шагаю прочь.

Глава 1. Украденное дело

Ready for War – Liv Ash

В тихих омутах обычно водятся черти, а в тихих маленьких городках – кто-то гораздо хуже. С самого утра я листаю материал за материалом. Убийства, пьяная поножовщина, взятки, злоупотребления должностными полномочиями и даже похищения. В экономическом отделе, из которого я перевелась сюда три дня назад, всё было гораздо проще и понятней, а здесь – хаос, анархия и волокита. Темняк на темняке и темняком погоняет. Чем больше сшивов и папок я, пролистав, откладываю на край стола, тем больше не могу понять: чем здесь вообще занимаются следователи?

Один из них – Захар, как раз вваливается в кабинет с полной кружкой кофе:

– Малина, зайди к руководу! – сходу объявляет коллега.

Громко отпив содержимое кружки Скворцов с грохотом ставит её на соседний стол. Часть кофе выплёскивается на документы, но хозяин стола не обращает на это внимания, предпочитая разглядывать меня. А я морщусь и от шума, которым сосед по кабинету сопровождает каждое свое действие и от неприятного обращения:

– Не Малина, а Алина! – сквозь зубы поправляю я.

– Ну Малинина же. – Захар разводит руками словно у него

нет выбора.

Поднимаясь из-за стола, я с ухмылочкой киваю:

– Что ж, тогда буду звать тебя «Скворчком».

Знаю, что мужчины не любители таких преуменьшительных прозвищ и своим Скворчком я наступила Захару на больной мозоль или даже на что похуже. Я ведь не первый год работаю в мужском коллективе и успела выработать систему манипуляций для любого случая. Кабинет покидаю, игнорируя возмущенное «почему тогда не Скворцом»? К руководу – так к руководу.

Шагая по узкому коридору, размышляю о том, зачем могла понадобиться Крылову. На утреннем совещании руководитель отдела лишь вяло поинтересовался работой по материалам и, не дослушав мой отчет перешел к другим следователям. Сейчас вызывает лично. Неужели решил, наконец, поручить нормальное светлое дело?

– Тс-с-с! – шикает Светочка, когда я вхожу в приемную, потому что, объявив о своем присутствии я помешала бы ей подслушивать.

Секретарь удобно устроилась на одном из стульев у двери и даже ухо из пышного каре высвободила, чтобы ни слова не пропустить. Она одновременно прижимает палец к губам и машет рукой, приглашая присоединиться к развлечению. Судя по голосам, доносящимся из-за двери, Крылов не один. В его кабинете находится ещё один мужчина.

– Розовый, Федь! – смеётся собеседник Федора Михайло-

вича. – Откуда она вообще у тебя взялась такая?

Чтобы его слышать, мне даже не надо, уподобившись Свете, заправлять за уши волосы. А ещё я хорошо понимаю о чём, вернее о ком, идёт речь. Хмурюсь. С коротким выдохом скрешиваю руки на груди, пока руководитель отдела с плохо скрываемой досадой отвечает:

– Из краевого управления прислали три дня назад. Понятия не имею зачем. Она по коррупции в основном работала, но тут у нас, сам знаешь, не до разграничений. Народу недобор. Есть кому дежурить – уже хорошо. Но выглядит она, конечно... Не знаю, как её такую на происшествия отправлять...

Светочка косится на меня и хихикает. Я тоже выдавливаю ухмылочку, хотя на самом деле этот скепсис бесит до зубового скрежета. Еще больше раздражает то, что в этом отделе действительно никто не работает. Рыба ведь гниёт с головы. Пока Крылов в рабочее время сплетничает о подчиненных, секретарь вместо работы эти сплетни подслушивает, а мои коллеги литрами пьют кофе кто дела расследовать будет? Некому.

Решив, что услышала достаточно, я обхожу удивлённую этим маневром Свету и без стука вхожу в кабинет:

– Вызывали, Фёдор Михалыч? – дерзко вклиниваюсь я в разговор, заставив мужчин прерваться.

Обвожу взглядом просторный кабинет. Осень льёт ярко-желтые лучи в высокие окна. Два плюс два. Две кружки

кофе на заваленном документами столе и два мужчины за ним. Седой и полноватый Крылов, надо признать, немного смутился. Понял, что я слышала его жалобы. Зато его сидящий вполоборота светловолосый собеседник, мало того, что без стеснения осматривает меня с ног до головы, так еще и хохочет:

– Так вот она какая... Мальвина! – Он неверяще качает головой, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не чертыхнуться.

Это же ещё хуже Малины. Крася волосы в бирюзово-голубой, я догадывалась, что не все смогут остаться равнодушными. Некоторые то и дело обсуждали меня за спиной, но так открыто и насмешливо – впервые. Вдоволь повеселившись, незнакомец оборачивается в мою сторону, вытягивает обтянутые форменными брюками длинные ноги и с улыбкой продолжает:

– Честное слово, я ожидал блондинку, но это превосходит самые смелые ожидания!

Что бы он ни имел ввиду под «это», я начинаю злиться. Крылову вот совсем не смешно. Он, правда, меня уже не первый день знает и возможно успел отсмеяться где-то в укромном месте, сделав это не напоказ.

– Странно, когда о подобной предвзятости к светлым волосам мне заявляет блондин, – хмыкаю я, сверля собеседника взглядом. Всегда считала лучшей защитой нападение, а с такими, как этот махровый сексист по-другому нельзя: – И вообще, в чём конкретно ко мне претензии?

Крылов тут же разводит руками:

– Претензий – никаких... – начинает он, но незнакомец с нажимом перебивает:

– А у меня не претензия, а просьба – больше не направлять поручения в мой отдел на розовых листах.

Он всё ещё улыбается и говорит со мной как с несмышлёным ребенком, хотя я и попыталась придать нашему разговору деловой тон. Невозмутимо интересуюсь:

– А чем именно вам не угодили розовые листы?

Вообще-то, я всегда так делаю – на цветных листах документы заметнее и из общей стопки такие возьмут первыми, соответственно – первыми исполнят. Очень хочется нахамить гостю Крылова, поставить на место, но после слов «мой отдел», я начинаю догадываться о том, кто он. Тот, ради кого я вообще сюда перевелась.

– Лично мне – ничем. – Собеседник вздыхает, пытаюсь подобрать слова потактичнее. – Но вот мои ребята пытаются сбавить их друг другу и отказываются выполнять.

Фраза «мои ребята» указывает на то, что я не ошиблась и мужчина в кресле – Константин Семёнов. Тот самый, чья слава давно вышла не только за пределы этого маленького городка, но и за пределы края. Тот, кто может раскрыть любое преступление. Тот, кто может расколоть любого. Тот, кто давно был бы начальником отдела полиции, если бы сам этого захотел. И как бы сильно мне ни хотелось сейчас с ним ругаться – нельзя.

– Что же ваши ребята впечатлительные такие? – поддеваю я. – Они ведь тяжкие и особо тяжкие преступления раскрывать должны. То-то их никто и не раскрывает...

– Алина Владимировна! – не выдерживает Крылов. – Будь добра соблюдать субординацию.

Не удивительно. Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку – Семенову фамильярничать можно, а мне – нет. Ни Крылов, ни Светочка, ни остальные следователи отдела понятия не имеют о том, какая я на самом деле. Они судят по внешности и голубые волосы вкупе с розовыми листьями поручений легко позволили им обмануться на мой счёт. Им – да, но неужели и ему тоже?

– Не надо, Федь, – произносит Семенов и сейчас смотрит на меня серьёзно. Как-будто знает зачем я здесь. Но вряд ли даже начальник оперативников сумел бы догадаться так быстро. Он усмехается и легко капитулирует: – Я же первый начал.

Нет, он не понял и принял меня за милую девочку, как остальные, потому и уступил. Отвожу взгляд, скрывая разочарование. Игнорирую благородство Семенова и срываю злость на Крылове:

– Поскольку бумагу я приобретаю за свой счет, Федор Михалыч, я вправе сама её выбирать. – Вскинув подбородок, упираю ладонь в бедро. И добавляю уже для Константина: – А цвет поручений никаким нормативным актом не установлен. И я жду, что они будут исполнены вашим отделом без

нарушения сроков.

Оппонент сначала удивленно вскидывает брови, потом хмурится. Недоволен, что милая девочка указывает ему, что делать. Но я буду указывать. Не только ему, но и всем остальным. Я заставлю их работать. Носом землю рыть заставлю, чтобы раскрыть дело, которое важно для меня. Семенов коротко отвечает:

– Ну ждите.

А по кривоватой ухмылке начальника оперативников я понимаю, что ждать придется долго и гораздо быстрее будет исполнить ту стопку поручений, что я вчера направила в его отдел самостоятельно, чем дожидаться хоть одного рапорта в ответ. Вот не хотела же с ним ругаться, но кто знал, что Семенов одним только своим самодовольным видом будет настолько меня бесить. Поджав губы, интересуюсь у Крылова:

– Это всё?

– Иди, Алина, – отмахивается руковод так, словно уже жалеет, что вообще меня вызвал.

Холодно кивнув, покидаю кабинет, и за дверью какое-то время стоит тишина. Шоу закончилось. Светочка возвращается за рабочий стол, принимаясь нехотя щелкать ногтями по клавиатуре. Я иду к себе, но никак не могу сосредоточиться на материалах, думая вместо этого о Семенове. Он был первой частью моего плана. Раздумывая над тем, как к нему подобраться, я и представить не могла, что он сам свалится мне на голову. И всё же Константин оказался совсем не

таким, каким я успела его вообразить – самоуверенным насмешливым шовинистом. Может и слава о нём – ложь? Мужчины склонны преувеличивать собственные заслуги.

Если бы все воспеваемые Семенову дифирамбы были правдой, не было бы в этом городе столько глухарей¹. Рассчитывать на помощь такого, как он, изначально было плохой идеей и от неё придется отказаться. Я сумею справиться сама. Хлопает дверь отдела, возвещая о том, что это начальник оперов, скорее всего, уехал восвояси, чтобы пить кофе и сплетничать где-нибудь еще. Я устала от бездействия. От чужого и от своего.

– Захар, где хранятся ключи от архива? – интересуюсь я, мысленно заготовив несколько очень правдоподобных объяснений для такого вопроса.

Скажу, что нужно поискать в старых делах информацию для одного из материалов, или, что Крылов попросил...

– В кухне шкафчик под раковиной, – беспечно бросает Скворцов, не отвлекаясь от переписки в телефоне. Причины, по которым мне нужно в архив, ему безразличны. – В нём ключи. С синим брелком – от камеры вещдоков, с зеленым – от архива.

Как всё просто оказывается. Дела из архива бери – не хочу. Вещдоки, очевидно, тоже. Говорю же, анархия. В моём

¹ Глухарь в полицейском жаргоне означает нераскрытое уголовное дело, приостановленное или отправленное в архив из-за невозможности установить личность преступника.

старом отделе доступ в архив и вещдочку был только у руководителей и секретаря со строгой записью в специальном журнале. Здесь он тоже имеется – пылится на стуле у входа. Естественно, свою фамилию я туда не записываю и сразу же принимаюсь искать в архиве нужное дело.

Номер я знаю – смотрела в базе, да и в почтовых уведомлениях о том, что производство приостановлено он имелся. «Лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого не установлено» – так они написали. Но ведь его и не устанавливал никто, судя по всему. Здесь никому ни до чего нет дела. Стискиваю зубы в бессильной злости.

– Двадцать восемь семьдесят два, – раз за разом шепчу я последние цифры номера, успевшие за эти месяцы вьестись в память. Когда нужная папка наконец обнаруживается на полке с десятком таких же, с трепетом беру её в руки.

А открыв, разочарованно качаю головой, потому что даже с первого взгляда понятно, что документов в деле слишком мало. Подозрительно мало. Но читать их здесь и сейчас – опасно. Неизвестно кто и зачем может сюда заявиться и застать меня за не относящимся к моим непосредственным обязанностям занятием.

«Ну вот, Ли. – раздаётся в голове тихий ироничный смешок. – Дожили. Не успели перевестись, а ты уже крадешь уголовное дело из архива».

– Краду, – киваю я и, подцепив ногтем край наклейки с номером и фамилией на корешке, безжалостно срываю её с

папки. После того, как я удостоверилась в том, что это дело никто толком не расследовал, уверена, что поступаю правильно: – Потому что если кто-то и сумеет докопаться до правды, то это я.

Я не записываю свой визит в журнале и, уж тем более, не указываю, что именно уношу с собой. Ухожу, крепко прижимая папку-скоросшиватель к груди. В том, что я не ошиблась, меня убеждает ощущение приятного ликования и тихого восторга.

Раньше я всегда поступала правильно и честно, но, как оказалось, это вовсе не гарантия того, что остальные станут поступать так же. Скорее, даже наоборот – именно с теми, кто четко следует правилам, жизнь обходится куда жестче, чем с остальными. Зато сейчас я чувствую, что судьба только в моих руках. И в этой чертовой папке.

– Алина, ты что в архиве была? – раздаётся за спиной и, мысленно отругав себя за беспечность, я оборачиваюсь.

Кирилл Серегин – еще один мой коллега. Если кто-то в отделе и работает, пожалуй, так это он. И сейчас он разглядывает папку в моих руках с подозрением.

– Была, – беззаботно киваю я. Вот и пригодились оправдания, которые я придумала для Захара: – Крылов попросил поискать информацию по одному из материалов.

В ответ Кирилл мычит что-то трудноразличимое, но потом просит:

– Оставь тогда ключ, мне тоже нужно.

Я киваю, облегченно выдохнув. Хорошо, что мой сосед по кабинету Скворцов, а не Серегин – он ведь куда внимательней и проницательней своего друга. Кирилл мог бы заметить, что материалы доследственных проверок, горой сваленные на столе, меня совершенно не интересуют. Мог бы понять для чего я сюда перевелась. Но не поймёт.

Вернувшись в кабинет, я незаметно убираю папку с делом в объемный шопер. Дома разберусь, чтобы не привлекать лишнего внимания. И хотя мысли о папке так и крутятся в голове, я всё же погружаюсь в работу. Вызываю людей для дачи объяснений, печатаю новые поручения в отдел розыска, составляю планы, запрашиваю документы и результаты исследований. За этим занятием день пролетает незаметно. Скворцов пару раз пытается отвлечь разговорами, но получая односложные и холодные ответы, сдаётся.

Я поднимаю голову от бумаг в седьмом часу, когда настойчивый звонок телефона легко разрывает и без того рассеянное к вечеру внимание. Отвечать не хочется. Но даже понимая, что вряд ли услышу что-то хорошее, я с усталым выдохом поднимаю трубку:

– Да, пап.

– Зачем ты так, Лин?

Скорее всего, о том, куда именно я сбежала, ему доложили еще в день моего отъезда. Еще два он дал нам обоим. Мне – чтобы одуматься, а себе – чтобы остыть, на случай если непокорная дочь не вернется. Я выхожу на балкон, лишая

Захара возможности подслушивать:

– Так нужно, пап.

– Кому нужно?

– Мне. Тебе. Всем.

Он молчит какое-то время. Мои ответы короткие, но смысл их куда глубже того, что лежит на поверхности.

– Это надолго? С квартирой вашей что делать? И почему машину не забрала? – спрашивает папа, не став развивать тему.

Я смотрю на огни в окнах домов и фонари, горящие через один, на город, раскинувшийся внизу, и стараюсь его не ненавидеть. Он-то ни в чем не виноват. Но не получается.

– Не знаю. Без разницы. Предпочла поехать налегке.

Слова отрывистые, дробные, как стук часов. С тех пор, как я приехала сюда, постоянно мерещится, что они непрерывно тикают в голове. Сначала казалось – отсчитывают время моего бездействия, но сейчас я вдруг поняла, что это не так. Они отмеряют время до конца. Как-будто мне мало было голоса в голове. Стоило всё-таки обратиться к психиатру, как советовали. Наверное, папа тоже так думает, но вслух произносит совсем другое:

– Надеюсь, ты передумаешь, вернешься. И поговори с Олегом, пожалуйста, он сказал, что не может тебе дозвониться.

– Угу, – мрачно отзываюсь я, понимая, что не стану делать ничего из перечисленного.

– Мне жаль, если наш последний разговор обидел тебя, Лина, но ты же понимаешь, как я тобой дорожу?

Ещё как понимаю. Как можно не дорожить единственным человеком, на кого теперь можно скинуть ресторанно-гостиничный бизнес, раскинувший свою сеть по всей стране? Так фермер дорожит коровой, которой в скором времени предстоит отправиться на убой. Допускаю, что моя ценность не только в этом, но думать так мне сейчас удобнее.

«Не стоило с ним так, Ли, – строго звучит в мыслях. – Он не виноват, что всё сложилось так как сложилось».

Мой ответ еле различим, чтобы никто не услышал и не счел меня сумасшедшей:

– К сожалению, всё сложилось именно так. А в том, кто в этом виноват, я скоро разберусь.

Глава 2. Сломанные куклы

*The Path of Silence – Gabriel Saban, Philippe
Briand, Anne-Sophie Versnaeyen*

Кофе не помогает. Вчера я притащилась домой в десятом часу и наскоро поужинав, несколько раз пролистала краденное дело. Так и уснула прямо на нём, позволив краю стопки документов треугольником отпечататься на щеке. Утром солнечный луч из окна разбудил Шушу, а она своей возней в клетке разбудила меня.

– Видишь же, что я и так не высыпаюсь, – ворчу я на крысу, которой невдомёк, что, если бы не её променад по прутьям, я могла бы позволить себе поспать еще целых полчаса.

Ничуть не жалею, что взяла её с собой. Эта небольшая квартирка в старой кирпичной пятиэтажке совсем не похожа на место, где я жила прежде, но с Шу я ощущаю в ней что-то привычное. Строго командую ей, указывая на папку с делом:

– И не вздумай это грызть.

Но она, кажется, и не планирует – просто принимает. Не найдя в бумагах ничего интересного, крыса устраивается рядом и принимается чистить мордочку. Продолжая листать дело за завтраком, я делаю неутешительный вывод: оно и правда расследовано из рук вон плохо. Осмотр места происшествия, написанный корявым почерком Захара, экс-

пертиза, пара допросов, поручение оперативникам и рапорты-отписки.

Может тот, кого я ищу, дал взятку Крылову? Или Скворцову? С лентяя, тратящего рабочий день только на кофе и посещение курилки станется прикрывать убийц. Но прекращал дело почему-то не он, а Серегин. Пишу на голубом стикере слово «коррупция», обвожу в кружок и ставлю рядом знак вопроса. А чем иным объяснить то, что по делу нет ни свидетелей, ни орудия, ни следов? Должно же было быть хоть что-то?

Застываю на фототаблице. Хотя бы эксперт – некий Тихомиров В.С. постарался. Он изъял банки и сигаретные окурки рядом, оказавшиеся потом не относящимися к делу. Обзорная, узловая и детальная фотосъемки выполнены на совесть. Я перестаю жевать и долго смотрю на фотографии. Вчера я видела их полусонная при тусклом свете ночника, а сейчас свет яркий. И хотя в глазах темнеет, а сердце от увиденного забилося где-то у самого горла, можно рассмотреть каждую мелочь.

«Можно, – соглашается голос в голове. – Но нужно ли? Может хватит себя мучить?»

– Нужно, – я отвлекаюсь от разглядывания тела на асфальте, но оно всё равно остаётся перед глазами.

Неестественно вывернутые ноги, задравшееся платье, рука со смарт-часами, и тёмная полоса на шее. А ещё – волосы, ярким облаком рассыпавшиеся вокруг откинутой назад го-

ловы. Так выглядят куклы, забытые рассеянными девочками в песочнице, но на этих фото человек, который дышал, мечтал и любил до того момента, как его сердце внезапно перестало биться.

Откушенный бутерброд кажется безвкусным и встает поперек горла, не желая двигаться дальше. Приходится отпить кофе, после которого он камнем проваливается в желудок. Сердце, только что бившее по сонной артерии, тоже падает вниз и затихает. Перелистнув фототаблицу, я всматриваюсь в фамилии тех, кто участвовал в осмотре места происшествия, запоминая каждую.

Следователь Скворцов, эксперт-криминаст Тихомиров, судмедэксперт Конюхов, участковый Фрязин, опера Гвозденко и Кузнецов и... надо же – Семёнов, тот самый, на которого я так рассчитывала. Гениальнейший начальник оперативников, не сумевший обнаружить на месте происшествия ничего, кроме трупа.

– Слухи о его профессионализме – ложь, – сообщаю я Шуше, запирая крысу в клетке. – Не удивлюсь, если этот самодовольный тип сам о себе их и распускает.

Перед уходом на работу нахожу среди листов на столе собственные заметки, где фамилия Семёнова написана большими буквами. Рядом с ней надписи о том, что у такого как он можно попросить помощи. Наслушавшись, про мастерство начальника отдела по тяжким, я рассчитывала найти его. Думала, что он мог бы поискать в деле какие-нибудь зацепки.

Что-то, чего не нашли следователи комитета при расследовании и опера при первоначальном осмотре – самом важном из следственных действий. Зря я переживала, что обнаружить доказательства спустя год может быть сложно даже для такого как Константин. Всё оказалось куда проще. Семёнов сам был на том осмотре. Был. И ничего не нашёл.

«Враньё, – пишу я поверх всех предыдущих пометок. – На такого нельзя положиться».

Не то чтобы я переживала, что могу об этом забыть. Просто во время письма задействуется сразу три вида памяти: двигательная, образная и логическая. Привычка писать такие записки себе самой осталась ещё с институтских времен и часто помогает в работе. Перед тем, как решиться на переезд я исписала целую пачку листов предположениями, планами и догадками. Впору делать из них мудборд.

С утра морозно. Прячу руки в карманы, а нос – в поднятый ворот куртки. Пока бреду по сонной улице на работу, успеваю несколько раз пожалеть о своём решении оставить машину. Я ведь с самого совершеннолетия за рулём и совсем отвыкла быть пешеходом. У меня даже шапки нет и не было, а скоро похолодает настолько, что её придётся носить. Хорошо хоть до отдела не больше остановки. Там уже кипит жизнь:

– Малинина, быстрее, совещание уже начинается! – подгоняет старший следователь Пашка Тетерин.

С ежедневником, зажатым под мышкой, он уже направля-

ется по коридору к кабинету Крылова. Захар бежит из курилки, в тщетной надежде успеть ухватить с собой кружку с кофе. Следователь по особо важным делам Осипов уже негромко обсуждает что-то с Федором Михайловичем, а Светочка в приёмной старательно красит губы, придиричливо разглядывая своё отражение в маленьком круглом зеркальце.

– Привет, Алина, – здоровается Серегин, пропуская меня первой войти в кабинет руководителя.

Здесь гудят и ярко слепят лампы дневного света. Голоса коллег смешиваются в гул. Не успеваем мы рассестись на стульях для посетителей, как Крылов задаёт традиционный для каждого совещания вопрос:

– Что по перспективе?

Перспектива – самое страшное для следователей слово, означающее, что то или иное дело нужно кровь из носа сдать исключительно в этом месяце. Без этого пропадут статистические показатели отдела, а вместе с ними – премии. Поэтому не уложиться в нужный срок – кошмар любого из присутствующих, включая руководителя.

– У меня экспертиза по сто одиннадцатой сорвалась, – признаётся Пашка.

– А у меня с делом Епифанцева адвокат знакомится, он недоволен квалификацией, скорее всего будет затягивать, – торопливо добавляет Серегин, в надежде, что кто-нибудь следующий точно так же его перебьёт и избавит от нагоняя.

Но, прежде чем это случается, Крылов успевает сердито вставить:

– Так ограничивай их через суд, чего ждёшь?

– Оно многотомное, – поджимает губы Кирилл. – Даже если ограничивать – всё равно не успеем. Это же Лазарев, он ещё и ходатайство какое-нибудь огромное заявит под конец...

Мнение об умственных способностях Серегина уже написано у Федора Михалыча на лице, но в этот момент на столе перед Скворцовым оживает дежурный телефон. Такие есть в каждом отделе. В век смартфонов кнопочный кирпичик, еженедельно передаётся от следователя к следователю как переходящий приз. У них одинаково отвратительные мелодии, но звук выключать нельзя. Существует негласное правило: тот, кто прозевал звонок от дежурной части, дежурит две недели подряд.

– Да, – отвечает Захар, пока остальные, признавая необходимость прервать обсуждение насущных дел, молчат. Из трубки доносится монотонный мужской голос, но слов не разобрать. – Где? Давно? Личность установили? Понял, выезжаю.

Положив трубку, Скворцов докладывает начальнику:

– Труп девушки на Ленинградской.

Не дожидаясь ответа, Захар шумно отодвигает стул и выходит из-за стола. Но одновременно с коротким кивком Крылова я тоже поднимаюсь с места:

– Федор Михалыч, разрешите выехать на происшествие вместо Скворцова? – Слова вырываются сами, опережая мысли о том, чем я стану объяснять этот импульсивный поступок. Но я всегда славилась рациональностью и торопливо добавляю: – С материалами я еще вчера разобралась, осталось только дожидаться рапортов, а тут новое дело. Как раз для меня.

Руководитель хмурится и задумчиво потирает подбородок. Кажется, убедить его мне не удалось:

– Ты же в экономике и коррупции работала, Малинина. С чего такое рвение выехать на осмотр с трупом?

– Не вижу разницы. – Я пожимаю плечами. – Да и всегда лучше расследовать с самого начала, чем забирать чужое.

Коллеги следят за нашим диалогом, но не вмешиваются. Скворцов заинтересован больше других. Ехать на происшествие ему не хочется, а, возможно, и не придётся. Тогда можно будет снова провести рабочий день, чередуя кофейную кружку с сигаретой.

– Хорошо, Алина, поезжай, – соглашается Крылов. Но мечты Захара тоже разбиваются следующей фразой: – Только не вместо Скворцова, а вместе.

Киваю, хотя внутренне недовольна этим открытым проявлением недоверия. Я ведь куда более опытный следователь, чем этот лентяй. И уж точно найду больше, чем он. Кто знает, вдруг этот убийца – мой убийца. На это я и надеялась возвращаясь сюда. Они ведь в восьмидесяти процентов случаев,

не получив наказания, убивают снова. И как бы эгоистична и жестока ни была эта мысль, я до сих пор надеюсь, что мой убийца руководствуется подобным клише. Ведь иначе его не найти. Поэтому не спорю и выхожу из кабинета следом за Захаром, ворчащим, что глупо ездить на осмотр вдвоём.

— Пустая трата времени. — Он швыряет в специальный чемодан бланки протоколов, и с громким прихлёбыванием отпивает кофе. — У меня работы столько, лучше бы ею занимался.

Это мнение я полностью разделяю, и решаю не спорить. Молча жду и думаю о своём. О термине «мой убийца», например. Звучит очень образно и полностью отражает суть. Я ведь этот год не жила — существовала. Разучилась мечтать и чувствовать, потеряла смысл жизни. И до сих пор существую с одной единственной целью — найти того, кто разрушил мне жизнь.

«А что станешь делать, если найдешь?» — любопытствует знакомый голос в голове, но я молчу, потому что, во-первых, не желаю отвечать при Захаре, а во-вторых, потому, что сама не уверена в ответе.

Штатный водитель с утра умчался развозить по городу запросы и поручения, поэтому я устраиваюсь на пассажирском сиденье в машине Скворцова. Он вырос в этом городе и хорошо его знает. Я же до переезда была здесь всего пару раз, да и то случайно. Сейчас нехотя разглядываю его из окна. Маленький, неуютный и медлительный. С такими же нерас-

торопными водителями и пешеходами. Если бы два года назад папе не приспичило открыть здесь ещё один отель своей сети, многое могло сложиться иначе.

– Здесь старая часть города, – просвещает Захар, примеряя на себя роль гида, хотя я не просила. – Еще есть новая. Там покрасивее и почище: высотки, магазины, рестораны...

В новой мне приходилось бывать и даже есть повод вернуться, ведь не только преступников тянет на место преступления, но и жертв. Теперь я одновременно и хочу съездить к дому десять по улице Свиридова, и боюсь этого до жжения в груди. Вряд ли сумею что-то найти, но побывать там обязана и планирую эту поездку на ближайшие дни.

– А здесь у нас летом старая музыкальная школа обрушилась, – продолжает непрошенный экскурсовод. – Точнее, она двадцать лет назад обрушилась наполовину, а теперь ещё и сгорела и обвалилась окончательно. Хорошо обошлось без жертв – это была моя дежурная неделя.

За неимением других интересных событий это обрушение точно вошло в историю города. Останки здания за ржавым забором очень похожи на те, что сейчас у меня внутри. Такие же почерневшие руины с устремленными в небо штырями перекрытий. Голые деревья вокруг и тускло-серое небо добавляют картинке тревожной мрачности.

Нужный нам адрес оказывается совсем неподалеку. Несмотря на недосып, регулятор моей внимательности выкручивается на максимум, едва Захар паркуется у дома. Во-

круг толпятся не только сотрудники, но и зеваки. Приходится старательно блокировать в памяти картинки фототаблицы, которую я рассматривала за завтраком. Ещё и дурацкие «тоже» никак не желают покидать мысли. Тоже жилой дом. Тоже осень. Тоже девушка. Тоже яркая.

В окружающей серости она сразу притягивает взгляд. Даже издалека. Ещё одна сломанная или забытая кукла. И мне от этой схожести одновременно и жутко, и хорошо. Чувствую, что это верный след, но внутри всё дрожит. Так противоречиво, что голова кружится, словно я весь день каталась на каруселях, как в детстве.

Голос, слышимый только мне, сейчас молчит, поэтому собраться я приказываю себе самостоятельно. Скворцов еще глушит машину и достаёт с заднего сиденья дежурный чемодан, а я уже решительно шагаю к сборищу у подъезда.

– Следователь Малинина, – громко и отрывисто представляюсь я, привлекая к себе внимание присутствующих.

Старательно не поворачиваюсь к лежащему на асфальте телу. Куда угодно, только не туда. Знаю – если посмотрю, слишком сложно потом будет отвести взгляд. Склонившемуся над трупом мужчине приходится оторваться от работы:

– Судмедэксперт Морозов. – Он приветственно приподнимает ладонь в перчатке. – Можно просто Коля. Рад знакомству, несмотря на обстоятельства.

Кивнув, оборачиваюсь к двум оперативникам, разглядывающим меня с таким наглым интересом, словно я приехала

на осмотр голой или у меня внезапно выросли рога. Догадываюсь почему. Они тоже судят по внешности и уже истолковали моё нежелание подходить к телу потерпевшей как трусость. Пусть так. Плевать.

– Вас в детском саду здороваться научить забыли? – интересуюсь я, ощутив, как внутри вскипает злость.

Год назад казалось, что я разучилась чувствовать. Что эмоции отключились, как по щелчку невидимого рубильника, но нет – у меня остались ярость и печаль. Всего два чувства, зато яркие и полярные. Теперь я испытываю либо одно, либо другое. Сейчас – первое.

– Ну, привет, – выговаривает первый – холеный брюнет с хитрой ухмылочкой, и добавляет: – Мальвина.

Второй просто усмехается, засунув руки в карманы дутой куртки. Я могу поставить их на место, и, пожалуй, даже поставлю, но не здесь. Не сейчас. Потому что не могу представить, что год назад эти же или другие оперативники смели зубоскалить на осмотре тела другой девушки. Может, конечно, они давно работают и чувство сострадания за эти годы успело совсем атрофироваться, но это их не оправдывает.

– Фамилии ваши назовите.

Мой голос спокойный и тихий, но в нём угроза. Поймут – хорошо, а нет – им же хуже. Но они непонятливые.

– Странные у тебя способы пикапа, – смеётся обладатель дутой куртки и пухлых, как у хомяка, щёк.

– Всё равно ведь узнаю. – Цежу я пытаюсь утихомирить

гнев, для которого сейчас не время и не место. – Личность установили? Очевидцев? Свидетелей?

– Мы только приехали, – пожимает плечами один из оперов, не испытывая никаких мук совести.

– Вон сейчас Скворцов подойдёт, скажет, что делать, и мы начнём, – совсем обнаглел заявляет второй и остатки моего самообладания трещат по швам.

«Не устраивай сцен, – просит голос в голове, но там сейчас так шумит, что я почти не слышу. – Не устраивай, Ли! Пожалуйста!»

Как же меня бесит эта снисходительность, это клише, что следователь – исключительно мужская профессия. Я ведь честно пыталась сдержаться, быть мягкой и относительно хорошей. Хотела соответствовать тому чуждому для себя образу, который старательно создала. Это оказалось слишком сложно. Внутренние часы снова тикают громче обычного, и я взрываюсь:

– Вы, мать вашу, сейчас стоите на месте преступления! – Я делаю резкий шаг, заставивший обоих удивленно отшатнуться. Стараюсь не слишком повышать голос, чтобы не привлекать лишнего внимания, но получается плохо. – Стоите и бездействуете! Устраиваете стендап в считанных шагах от тела потерпевшей и на глазах возможных свидетелей!

Оперативники удивлённо переглядываются. Скворцов уже спешит в нашу сторону. Заметив, что что-то не так, он ускоряет шаг. А я продолжаю шипеть рассерженной кошкой:

– Где участковый? Где видео с камер? Где криминалист? Где кинолог? Какого хрена вы стоите и ржете здесь, когда должны землю носом рыть в поисках убийцы?!

Слова сыплются из меня, как рокочущий камнепад с горы. Последний вопрос я рывкаю, ткнув пальцем в дутую куртку на груди щекастого опера. Они явно не ожидали подобного от той, за кого успели меня принять. Оба молча поднимают головы, глядя на кого-то за моей спиной, заставив резко обернуться и стрельнуть озлобленным взглядом в Семенова.

– Что случилось? – спрашивает подошедший к этому моменту Захар.

– Ничего хорошего, – отрезаю я, но смотрю не на него, а на Константина.

Это ведь его подчинённые. Да и вообще я на него злюсь с самого утра. За то, что год назад не нашел моего убийцу. За то, что не оправдал ожиданий о нём. За то, что благодаря ему, ко мне теперь приклеилось глупое прозвище.

– Не стоит отбирать мой хлеб и командовать сотрудниками моего отдела, – произносит Семенов и это должно было быть шуткой, но его серо-голубые глаза холодные и серьезные.

– Ваши сотрудники – лентяи и придурки, – фыркаю я в ответ, интонацией выделив два последних слова.

Собираюсь дать понять, что разговор на этом закончен и гордо уйти, но собеседник удерживает за локоть, не позволив этого сделать:

– На пару слов, – тихо просит он и я догадываюсь, какими будут эти слова.

Бросаю Скворцову, ткнув в него указательным пальцем:

– Протокол я буду вести сама. Разберись, где криминалист и участковый.

Мне ведь тоже есть, что сказать Семенову, поэтому я с радостью прохожу за ним несколько шагов. Жду, пока он выдаст всё, что думает о том, что мелкая пигалица вроде меня оскорбляет его оперов. Мысленно готовлю в довесок к высказанным оскорблениям ещё несколько подходящих, но Константин, не сводя с меня проницательного взгляда, тихо спрашивает:

– Мы ведь встречались раньше, Мальвина? Где и когда?

Этот вопрос сбивает с толку. Он такой обезоруживающе-искренний. Мы ведь должны были сейчас ругаться. Я уже настроилась. Гнев всё ещё искрит внутри, но угасает, как бенгальский огонек в новогоднюю ночь.

«Не надо, Ли», – с мольбой шепчет голос в голове.

И она права. Следует сказать Семенову совсем другое, но я устало выдыхаю:

– Моё лицо кажется вам знакомым, Константин? Представьте его мертвым. С синюшной кожей. С кровоизлияниями на веках и пеной на губах. С неровной странгуляционной бороздой на шее. Может тогда поймёте.

По спине пробегают холодные мурашки от этих слов. Семенов меняется в лице. Удивлённо приоткрываются губы,

заостряются скулы. Взгляд темнеет, а зрачки топят светлые радужки. Он понял.

Глава 3. Полосатый клатч

Undone – Tommee Profitt, Fleurie

– Мне стоило догадаться раньше. Малинина... – бормочет Константин, глядя куда-то сквозь меня.

Словно сейчас видит перед собой то, что я ему описала. То, что уже видел год назад, а я разглядывала сегодня утром в фототаблице.

– Арина, – тихо напоминаю я на случай, если Семенов забыл, но он не забыл.

– Арина Малинина. Вы близнецы. – Во взгляде на мгновение проскальзывает вина, а потом он вспоминает еще одну деталь: – Только волосы у неё были не голубые, как у тебя, а ярко-розовые.

Молча киваю, потому что слова внезапно заканчиваются. Рина выкрасила волосы в розовый ещё в шестнадцать, сказав, что теперь нас можно будет легко отличить друг от друга. Но нас и так легко было различать, несмотря на идеальное внешнее сходство. Ри – всегда улыбалась и светила позитивом, а я – хмурилась. Она могла свести к минимуму любой конфликт, а я – устроить драму из ничего. Она была оптимистом, а я – пессимистом.

– Рина много раз предлагала мне покрасить волосы в голубой, а я недовольно фыркала и ворчала, – вслух вспоми-

наю я, но тут же внутренне закрываюсь, вспомнив о своём решении не доверять Семенову.

– И когда передумала? – Протянув руку, он легко касается кончиками пальцев одного из локонов, накручивая, словно пружинку.

Приходится отрезвить саму себя. Каким бы искренним Константин сейчас ни выглядел, он виноват. Именно он и его опера не нашли преступника. Отвечаю резче, чем нужно:

– На похоронах. И если сотрудники вашего отдела не хотят искать убийцу, то я сама его найду. Кто-то же должен.

На этот раз Семенов не задерживает меня и даёт уйти, но его взгляд какое-то время ещё жжет спину. Проникает сквозь куртку и одежду, щекочет кожу от затылка до пояса. Приходится даже сжать кулаки, чтобы сбросить наваждение.

Присутствующие видели наш разговор, но вряд ли поняли хоть что-то. Главное: Константин не отругал меня и не отчитал, как некоторым хотелось бы. Этим и воспользуюсь.

– Ну так как ваши фамилии, – вызывающе и с нажимом произношу я, вернувшись к операм и знаю, что на этот раз их начальник не станет меня одергивать. – Мне нужно знать их для жалобы в ваше управление.

– Давай без жалоб обойдёмся, Мальвина, – нехотя произносит Семенов. Быстро он отошел от шока. Я-то думала, пока начальник оперов будет стоять ошарашенный, у меня карт-бланш. Отсекая мне возможность для споров, он про-

должает:

– Мищенко – устанавливаешь очевидцев, если они есть. Родионов – изымаешь видео с ближайших камер видеонаблюдения. Участковому я сам сейчас позвоню.

– Тогда ещё кинологу позвоните, Константин, – указываю я, поняв вдруг, что забыла его отчество.

Оно было записано где-то в заметках, но забылось. Учитывая тот факт, что сам он обращается ко мне на «ты», да ещё и упорно продолжает называть Мальвиной, пусть радуется, что я ему еще прозвище не придумала.

– Уверена? – переспрашивает Семенов, когда оперативники послушно разбегаются выполнять приказ начальника. – Толку от него? Только лишний акт в материале.

Недовольно шурюсь и упираю в бок ладонь:

– Конечно, пусть материал будет пустой! Как тот, первый. Если бы вы нашли убийцу сразу, то вот эта девушка, – я киваю на тело, – была бы жива! И сколько еще таких дел? Я почти уверена в том, что это серия!

Потому что тёмная странгуляционная борозда на шее потерпевшей видна даже отсюда. Неровная. Такая же, как у Рины. Из-за этого мне сложно держать себя в руках. Бросаясь обвинениями Семенову в лицо, рассчитываю, что он начнет спорить, отпираться, оправдываться, и даже хочу этого, но он остаётся спокоен:

– Два, – спокойно и серьёзно отвечает собеседник. – Всего два. То и это.

Мне бы тоже утомониться, но я не могу. Ядовито поправляю:

– Пока два. Вызовите кинолога.

Он молчит, и я уйду, направляясь к Сковорцову.

– Захар, оставь мне портфель с бланками и можешь ехать по своим делам, – голос всё ещё подрагивает от злости. – Я скажу Крылову, что ты присутствовал.

– Точно? Я тебя немного опасаюсь, Малина, после вот этого вот всего. – Заявляет коллега, но портфель всё же протягивает.

– Правильно делаешь, – бросаю я и достаю чистый бланк протокола осмотра места происшествия. – Кыш отсюда, Сковорчонок.

Он возмущенно покашливает, но уезжает – боится, что могу передумать. Тем не менее, я не собираюсь передумать. Забыв о Сковорцове в следующую же секунду, я уже направляюсь к распростёртому на асфальте телу. Я не боялась приближаться раньше. Просто не хотела, чтобы нам мешали. Судмедэксперт, словно чувствуя это, не вмешивается. Молчит.

Я опускаюсь на корточки, сканируя девушку взглядом. На ней лимонно-желтое платье, слишком легкое для осени. В спутанных светлых волосах несколько цветных прядей. Тонкие ноги и руки неестественно расставлены в стороны. На локтях ссадины. На приоткрытых губах – пена. Кожа кажется голубоватой, словно не настоящая, а на шее неровная тем-

ная полоса.

«Я была красивей, – капризно заявляет Ри в моей голове, и я еле заметно киваю.

Была. Арина действительно была прекрасна. При нашей одинаковости это даже казалось странным. Но дело было не во внешней привлекательности. Люди не могли оторвать от неё заинтересованных взглядов из-за внутреннего света, завораживающей улыбки, задорного блеска в глазах. А когда она смеялась, невозможно было остаться равнодушным. Рина притягивала к себе, как магнит. Одним из тех, кого она привычно притянула, стал её убийца.

Расправляю бланк на папке-планшетке и принимаюсь писать. Кратко указываю обстоятельства, ориентиры, погоду, освещение, положение тела. Описываю одежду, серёжки-пуссеты, тонкий браслет. Снимаю часы с правого запястья, чтобы удостовериться в том, что это Тиффани. Девушка немного моложе Арины, но тоже не из простых. На ней диоровские кроссовки – скорее всего, оригинал. Что она делала здесь в предутренние часы? Почему нет куртки? Где сумочка? Поднимаю взгляд на Морозова:

– Что скажете?

– Труп в области открытых частей тела теплый. Окоченение слабое – только лицо и шея. – После сцены с операми, судмедэксперт терпеливо ждал разрешения и теперь диктует: – Одиночная замкнутая мягкая петля в средней трети. Направление горизонтальное. Неглубокая, выражена нерав-

номерно, характерно при удушении...

Коля описывает признаки, а я фиксирую – механически, стараясь абстрагироваться, не проводить параллелей, не задумываться. Думать буду потом. Сейчас главное установить все детали, а восстанавливать картинку произошедшего – позже. Буквы ровными строчками бегут по листу одна за другой, пока я стараюсь не упустить ничего важного.

– Здравствуйте, – приветствует нас девушка-кинолог.

В накинутом на плечи тёмно-синем бушлате она кажется маленькой и хрупкой. Её служебная овчарка уже поздоровалась со мной первой, неожиданно понюхав за ухом. От её дыхания и влажного носа по затылку пробежали мурашки.

– Здравствуйте. – Поёжившись от щекотки, осторожно глажу собаку по холке и выпрямляюсь.

– Участковый уже на поквартирном обходе, – отчитывается Семенов.

Он подошел вместе с кинологом и непривычно серьезен. Сейчас начальник оперативников не напоминает того, с кем я вчера впервые встретилась в кабинете руководителя. Константин мрачен настолько, что между светлых бровей залегла пара горизонтальных складок. Как-будто этот мужчина, как и я, не умеет улыбаться. Но он умеет – я видела. Хотя сейчас ощущение, что тот Семёнов, кого я встретила вчера и этот – разные люди. Неужели я всё-таки выбила его из колеи своей неожиданной правдой?

– Хорошо, – киваю я и прошу кинолога: – Попробуйте

поработать, может найдёте что-то.

– Попробуем, конечно. – Девушка вздыхает, но, кажется, и сама не верит в успех.

Собаки по таким делам помогают редко, в основном работают по наркотикам, но даже если шанс крохотный, я не могу позволить себе им не воспользоваться. Кинолог отдаёт нужную команду, и овчарка осторожно обнюхивает тело. Шумно водит треугольником носа у шеи. Так же щекотно, как только что у моего затылка, но в отличие от меня, девушка на асфальте уже ничего не почувствует.

Кажется, собака всё же уловила что-то. Пылесоса носом тропинку у дома, она уводит кинолога за собой. Семенов остаётся. И хотя он никак не вмешивается в происходящее, мне в его молчаливом присутствии неуютно и странно. Оно давит, и когда Морозов продолжает диктовать описание, я с трудом могу сосредоточиться на словах.

– ...Кости черепа на ощупь целые, глаза закрыты, зрачки по ноль пять сантиметра каждый, имеются кровоизлияния на слизистых оболочках. – Надавив на грудную клетку девушки в желтом платье, Коля констатирует: – Есть слабый запах этилового алкоголя...

Она пила перед смертью. Очевидно, с ним. Как и Рина. С каждой секундой я всё больше убеждаюсь в том, что убийца у обеих девушек один.

– Извините, ребят, опоздал. Был на другом происшествии. Запыхавшемуся мужчине в форме полицейского пред-

ставляться не нужно, поскольку он остался последним действующим лицом. И всё же он с несмелой улыбкой тянет мне руку:

– Валя Тихомиров, эксперт-криминалист.

Высокий, худой, с тонкими чертами лица и теплыми карими глазами, он сразу располагает к себе. А может просто потому, что это – тот самый Тихомиров В.С. – единственный, кто нормально отработал на осмотре места убийства Рины.

– Алина, – представляюсь я в ответ и жму протянутую руку. – Поищите следы, пожалуйста. На вас вся надежда.

– Постараюсь. – Он уже торопливо раскрыл чемодан с реагентами, не откладывая, надел перчатки и приступил к работе.

Чтобы не мешать Тихомирову, делаю пару шагов назад. Дописываю протокол под пристальным взглядом Семёнова. Он обменивается с Валею и Колей негромкими комментариями, но смотрит при этом на меня, я чувствую. Кажется, начальнику тяжких оперов не понравились мои обвинения. Хочет оправдаться? Нет уж. Пусть пострадает. Такому самодовольному типу, как он, полезно.

Вернувшийся Мищенко докладывает, Константину, что очевидцев не установлено. Есть лишь один из жильцов дома – Сергей Уваров. Выйдя утром из подъезда, чтобы отправиться на работу, он обнаружил тело. Испуганный и нервный, мужчина уже дал короткие путанные объяснения: шел, нашел, не знаю, не видел.

Родионов изъясил видео с камер придомового магазина, но для того, чтобы посмотреть содержимое, потребуется время. Возвращается с поквартирного обхода участковый Беляков. Тучный и краснолицый, он с сожалением разводит руками – девушку никто не знает, а значит, её личность не установлена.

«Ищи документы, – подсказывает очевидное Ри. – Моих ведь тоже при мне не оказалось».

Легко сказать. Но как отыскать хоть что-то, если вокруг вообще ничего? Асфальт, кирпичная пятиэтажка, бурые опавшие листья – сырые и грязные. По моей настоятельной просьбе их уже вдоль и поперек перерыли опера. Безрезультатно перерыли, обнаружив лишь мусор. В крайнем случае придется давать объявление в СМИ, но мне бы очень этого не хотелось. Потому что я знаю, каково это – узнать о гибели близкого человека вот так.

– Биологических следов на теле нет, – огорчает Тихомиров. – Можно попробовать следы обуви вокруг поискать.

Это совсем не обнадеживает. Неужели от меня толку еще меньше, чем от Скворцова? Не может ведь быть такого, что вообще никаких зацепок? Это же убийство, совершенное при непосредственном контакте с жертвой. От безысходности злость и меланхолия балансируют где-то на грани. Не знаю, что перевешивает. Одно другого больней.

– Как нет, Валь? – Я с досадой сжимаю кулаки. – Он же душил её, не мог не оставить!

– Алина... – начинает Семенов, быстрее остальных почувствовавший ту грань, которую я снова готова перешагнуть.

Он явно намеревается сказать что-то успокаивающее. Что-то, способное предотвратить новую сцену с обвинениями. Но в этот момент служебная овчарка внезапно дёргает поводок и рычит. Кинолог, не ожидавшая такого маневра не удерживает напарницу.

– Лайма! – кричит на собаку девушка. – Нельзя!

– Тш-ш-ш, Лайма. – Семенов, оказавшийся ближе всех, наклоняется, давит на пушистую холку, прижимая к земле.

На собаку его аура действует так же угнетающе, как на меня, мгновенно усмиряя. Лайма виновато скулит, а я, напряженно хмурюсь. Сглатываю отчаяние, болезненно пульсирующее в висках.

– Извините, она впервые так! – подбежав, кинолог расстроенно качает головой. – Мы дошли до дороги, но там – потеряли след. Зато на тропинке, чуть дальше магазина, нашли сумочку. Трогать я не стала, решила, лучше вы изыщите, как следует...

– Где? – тут же с надеждой оживаю я.

– Идёмте.

Со мной за девушкой в объемном бушлате быстрым шагом идёт Валя – в перчатках, чтобы не оставить на важном вещественном доказательстве лишних следов. Втроём мы рассматриваем полосатый клатч от Джимми Чу в коричне-

вой пожелтой траве. Изморозь уже успела растаять. Блестят в солнечном луче ассиметричная металлическая полоса и ремень-цепочка. Завораживающе. Валя делает фото. Такое подошло бы для маркетинговой кампании бренда, но окажется в фототаблице. У меня нет сомнений в том, кому принадлежит сумочка. Это не интуиция, логика – в здешнем захолустье такой клатч не купить.

– Открой сам, – прошу я Тихомирова.

«Помнишь, я хотела такой же, только золотой», – подает голос Ри.

Сумочку Риной так и не нашли. Мы узнали о её гибели из новостного канала. Я узнала. Заголовок «Обнаружен труп девушки с розовыми волосами» до сих пор иногда мелькает в моих кошмарах. От него всё тело прошибает холодным потом. Я тяжело дышу и просыпаюсь, с осознанием что этот кошмар уже проходила наяву. У родственников новой жертвы будет иначе. Дышу на замерзшие пальцы.

– Телефон, банковские карты, документы, – оглашает Валя содержимое сумочки. – Есть водительское.

Криминалист вертит поблескивающий ламинацией прямоугольник в обтянутых черным латексом руках, а потом показывает мне. На нём фото сегодняшней жертвы и её имя. Беспokoить СМИ не придётся. Убитую звали Александра Власова.

Глава 4. Неожиданная встреча

Control – Tedy

Из кабинета Крылова я возвращаюсь почти довольной – удалось отвоевать дело себе. Это немного подняло настроение после тяжелой, но необходимой обязанности сообщить родственникам Саши о её смерти. В таких случаях ни сочувствие, ни такт не помогают. Ничего не помогает. Мне ли не знать.

Сейчас главная проблема в том, что руковод может вспомнить о похожем прошлогоднем эпизоде. Тогда дела объединят по общим признакам и меня, как сестру потерпевшей, отведут от расследования. Пока о моей тайне известно только Семёнову, но как долго он станет её хранить?

После осмотра Константин предложил подвезти до отдела, но я сбежала, солгав, что уже вызвала такси. Его присутствие на следственном действии в очередной раз развенчало слухи. Ещё одно убийство остаётся нераскрытым, а особого рвения раскрыть его я снова ни у кого не вижу.

– Фига себе ты резкая, Малина! – хмыкает Захар. – Кто вообще в день происшествия вещдоки осматривает?

Сумочка, телефон и карты оказались практически стерильными, словно прежде, чем выбросить клатч за ненадобностью, его вместе с содержимым протерли спиртом. Валя

сказал, что ему эти вещи без надобности, а значит —ими можно заняться мне. Бормочу в ответ:

– Я осматриваю, Скворчонок.

Не объяснять же, что причина такой поспешности в том, что дело могут забрать у меня со дня на день. Отдадут кому-нибудь из нерадивых следователей и через два месяца оно пополнит стопку глухарей в архиве отдела. Материалы по убийству Рины тоже придётся вернуть. Я откопирую каждый лист и всё равно продолжу расследование, но вести его скрытно будет гораздо сложнее.

Хорошо, что Захар еще не знает, что я успела заполнить ворох статистических карточек, а через час уже жду для допроса Сергея Уварова. Осознание, что кто-то вместо просмотра вереницы видео в тиктоке и потребления галлонов кофе может работать вот так сразу, перевернёт мир Скворцова с ног на голову.

– Странная ты, Малина, – резюмирует сосед по кабинету.
– Ты вообще улыбаться умеешь? Или смеяться?

– Смех без причины – признак сам знаешь чего.

На самом деле, я и до трагедии улыбалась нечасто, а после неё – вообще разучилась. Всегда была неправильной, а год назад в голове окончательно что-то сломалось. Наверное, для смеха нужен повод, а в моей профессии юмор обычно чёрный. Для него гораздо больше подходит кривоватая ухмылочка, почти не затрагивающая глаз.

«Зачем тебе эти карточки? – недоумевает Ри. – Они ни-

чем не помогут».

И она права. Просто я не могу усидеть на месте. Хочу действовать. Поиски убийцы – как запечатанная катушка ниток. Непонятно, где и как найти её начало, чтобы потянуть за край. Можно психануть, подцепить любую ножницами, но тогда края будет два, и оба неправильные.

После короткого стука дверь в кабинет распахивается, впуская Сергея Уварова:

– У меня мало времени, – сходу заявляет свидетель по делу Власовой. – Я и так из-за этого вашего убийства на работу сегодня опоздал!

Шок от увиденного утром уже прошел, и невысокий лысеющий мужчина в круглых очках ведет себя деловито. Даже немного нагло, пожалуй.

– Являться по вызову следователя и давать правдивые показания – ваша обязанность, Сергей Степанович, – безапелляционно заявляю я и смотрю так неотрывно и пристально, что он тушуетсЯ.

Киваю на стул для посетителей, а пока гость садится, Захар за его спиной поднимает вверх большой палец. Но я не нуждаюсь в его одобрении:

– Паспорт давайте. Я вас надолго не задержу.

«Мне он не нравится, – комментирует Ри и хвастливо добавляет: – Вот меня, например нашла тетка с милой собачкой. Она столько всего потом говорила на допросе – радостная, что стала центром внимания».

Читала я этот допрос, но толку от него никакого. Скворцов записал избыливающий ненужными деталями рассказ слово в слово с массой опечаток. Какая разница какой породы собака, какой корм она ест и у какого куста обычно задирает заднюю лапку?

Было бы неплохо, если бы Рина вместо шуточек, комментариев и псевдо-гениальных идей просто сказала, кто её убил, но не всё так просто. За последний год я задавала этот вопрос сотни раз, но на него сестра никогда не отвечает. Просто молчит. Не знает? Не помнит? Не желает давать подсказок?

– Я вышел из подъезда в начале девятого... – неуверенно начинает Уваров. – И увидел её. Сразу вызвал полицию. Вот и всё.

Это для него всё, а меня интересуют подробности:

– Точное время не помните? И какой маршрут?

– Ну, может, три или пять минут девятого было. Я каждое утро так на работу выхожу. Мне пешком до соседней улицы, недалеко. – Сергей задумчиво чешет подбородок. – А маршрут обычный: из второго подъезда вдоль дома, к магазину. А тут – она.

Бью пальцами по клавиатуре, фиксируя ответ.

– Как вы поняли, что девушка мертва? Пульс проверяли?

– Не проверял. Просто по ней сразу понятно было. – Свидетель морщится, вынужденный снова воспроизводить картинки, которые хотел бы забыть. – У неё же полоса была на

шее и лицо такое, голубоватое. Да вы же видели всё. Её задушили, да?

– Следствие разберется, – бормочу я, печатая «предположение о том, что девушка мертва, сделал визуально, проверять не стал».

Я задаю Уварову еще десяток вопросов, но ничего существенного свидетель пояснить не может. Чего-нибудь подозрительного не видел и не слышал. Испугался. Даже дожидаться правоохранителей предпочёл дома. С силой бью по дыроколу, чтобы подшить его допрос в папку, где уже хранятся постановление о возбуждении уголовного дела, объяснения, рапорты, осмотры некоторых вещественных доказательств и запросы.

На время отодвинув дело на край стола, до вечера я работаю по материалам и уже собираюсь домой, когда в кабинет заглядывает оперативник. Тот самый щекастый Родионов, на которого я с утра планировала жаловаться. Сейчас я достаточно устала, и запал ругаться иссяк. Домой бы.

– Ещё не уехала? – спрашивает он, хотя прекрасно ведь видит, что нет. То, что я не особенно рада его появлению, очевидно тоже видит. Добавляет покаянно: – Я рапорты привёз.

– Привёз – давай.

Не собираюсь рассыпаться в благодарностях. Это его работа. Пусть сам скажет спасибо, что жаловаться передумала. Но Родионов не спешит уходить. Кладёт на стол стопку ра-

портов и смотрит на меня:

– Мы с тобой просто не с того начали. Меня Тимофей зовут. – Оперативник с усмешкой разводит руками. – А фамилию мою ты теперь и так знаешь.

– Знаю. Только вот назвал её не ты.

Я демонстративно складываю вещи в сумку, а выражение лица при этом остаётся непроницаемым.

– Не обижайся, – просит Тимофей. – Просто ты своими розовыми поручениями выбила нас из привычных рамок. А такие происшествия как сегодня для нашего отдела – обыденность, бывают и похуже. Мы становимся невосприимчивыми. Извини и меня и Мищенко, Алина.

Извинения выглядят почти искренне, поэтому я тоже их почти принимаю. Но и от ехидства удержаться не могу:

– Что не Мальвина?

– Семенов запретил тебя так называть. Хотя, ты и правда Мальвина – холодная, строгая, щепетильная. – Он театрально хлопает ресницами и, подражая героине сказки тонким голосом произносит: – «Даже если вы дрались с собаками, это не избавит вас от необходимости мыть руки и чистить зубы».

И несмотря на то, что он цитирует не дословно, получается комично. Может я бы даже улыбнулась, если бы умела. Не то от его пародии, не то от того, что Семенов приказал своим подчиненным не использовать прозвище, которое сам мне дал, ухмылочка всё же кривит губы.

– И вы станете исполнять мои поручения? – Резким движением застегиваю замок сумки. – Несмотря на цвет листов?

– Станем, – с готовностью обещает Родионов, шагая за мной к выходу из кабинета. – Их всё равно уже между нами распределили, не отвертись.

Радует, что Семенов сделал из нашего разговора столько правильных выводов. Я выключаю свет, погружая кабинет в темноту. Закрываю дверь ключом. Когда мы вместе спускаемся на парковку, Тимофей интересуется:

– Тебя подвезти?

– Не нужно. Я живу недалеко, – уверенно отказываюсь я.

Совместная поездка предполагает разговоры, а мне сейчас разговаривать не хочется. Да и быть в чём-то обязанной Тимофею – тоже. К счастью, он не настаивает, мы коротко прощаемся на парковке, и я ухожу по окутанному желтым светом фонарей тротуару.

Быстро же всё завертелось после моего перевода. Голова с трудом вмещает ворох новых лиц, имён, фамилий, событий и адресов. Этот город слишком маленький, чтобы убийца смог в нём затеряться. То, что он снова дал о себе знать именно сейчас – это хорошо. Я найду его, чего бы мне это ни стоило.

«Или он тебя, – предполагает Ри. – Тебе не кажется странным, что он совершил новое убийство, едва ты появилась в городе? Словно ждал тебя, Ли».

От этой фразы по коже пробегает холодок. Не страха –

предвкушения.

– Если ждал, значит – дождался, – негромко отвечаю я. – Я ведь тоже хочу с ним встретиться. Очень хочу.

Это решение я приняла ещё в день похорон. Тогда отец попросил меня не лезть, не вмешиваться. Да и не было у меня сил вмешиваться. Тот, кто убил Рину убил и меня тоже. Это было странное ощущение себя – одновременно мёртвой и противоречиво живой. Я была слишком занята тем, чтобы собрать себя обратно из разрозненных кусочков, как пазл. Старательно заставляла себя каждое утро просыпаться, проваливаясь из одного кошмара в другой. Тонула в вязком болоте обвинений и воспоминаний. Меня даже от работы на несколько месяцев отстранили. Руководитель сказал, что лучше так, чем на психиатрическую комиссию, и я согласилась. Надежда на то, что следователи – такие же, как я, найдут убийцу Рины, не давала мне утонуть совсем.

«Не все следователи такие как ты», – со вздохом соглашается Ри.

У юристов есть неписанное правило не мешать закон с эмоциями. Адвокаты не защищают самих себя, следователи не расследуют дела, которые непосредственно их касаются, судьи не ведут процессы, участники которых лично с ними связаны. Потому что голова юриста всегда должна быть холодной и трезвой, а когда кто-то затронул что-то близкое, ценное, дорогое, слишком сложно остаться непредвзятым и равнодушным. Тяжело принимать рациональные решения,

руководствуясь чувствами. В моём случае это правило не сработало. Следователи, не знакомые с Ри, оказались слишком бесчувственными. Оказались безразличными настолько, что не справились.

Ветер успел разметать по тротуару собранные дворниками листья, и я с удовольствием шуршу по ним, пиная кроссовками ворох за ворохом. В такое время на улице совсем тихо и безлюдно. В больших городах жизнь кипит почти круглосуточно, а в таких, как этот – останавливается с приходом темноты. Жители прячутся в маленькие квартирки, зажигают лампы, оттененные шторами, раскрашивая в разные цвета окна многоэтажек.

Как назло, у дома фонарей совсем нет. Ещё и машинами всё заставлено – загораживает обзор. За спиной пищит сигнализация. Вдалеке лает собака. А вокруг – никого. Услышав за спиной звук чьих-то шагов, я, не удержавшись, оборачиваюсь. Тёмный силуэт – точно мужской, судя по ширине плеч, идёт следом за мной на расстоянии десятка метров.

«Ты ведь только что рассуждала о том, что готова встретиться с убийцей, – оживленно тараторит Ри. – Вдруг это он?»

Рассуждать было проще, когда я не думала о том, что эта встреча может произойти прямо сейчас: на тёмной улице после долгого и крайне утомительного рабочего дня. Я с большим удовольствием встретила бы с кроватью и подушкой. И Шуша весь день не кормлена. Если это и правда убийца –

он крайне не вовремя.

Ускоряю шаг. Уверена, реши я закричать – желающих прийти на помощь не появится. Нащупываю в кармане связку ключей и сжимаю один из них так, чтобы в случае необходимости оказать убийце сопротивление. Адреналин вскипает в крови, мигом разогнав усталость и сонливость. Сердце ускоряется до барабанной дроби. Невидимые часы тикают громче обычного.

Несмотря ни на что, расстояние между мной и незнакомцем сокращается, а у подъездов ещё темней. Лишь свет из окон льется на асфальт мутно-желтыми полосами, но в нём я даже свои кроссовки с трудом разглядеть могу. Звук шагов становится всё громче и громче. Мужчина поворачивает за мной к одному и тому же подъезду, усиливая желание ткнуть его куда-нибудь ключом. Я сжимаю связку почти до боли, прикидывая, как бы половчее приложить пластиковую метку к домофону, проскочить внутрь и захлопнуть за собой дверь, но нас разделяет всего пара шагов – не успею.

Едва дверь открывается, а незнакомец предпринимает попытку шагнуть в тёмный подъезд следом за мной, я с резким замахом бью его острым краем ключа, метя в лицо. Мужчина чертыхается и в последний момент уворачивается, подставляя под удар плечо. С тем же успехом я могла бить стену. Столкнувшись с обтянутым курткой бицепсом, ключ не причиняет вреда, поэтому я замахиwaюсь второй рукой, но кулак тут же перехватывает ладонь незнакомца. Он умело

отскакивает от направленного в сторону его паха колена, а потом удивлённо выдаёт:

– Мальвина?

Голос хрипловатый и низкий. И очень знакомый. Да и прозвище это теперь использует лишь один человек. Дверь закрывается, и мы остаётся в подъезде вдвоём.

– Ты же запретил своим подчиненным так меня называть, – возмущенно заявляю я, хотя логичнее было бы спросить у Семёнова, зачем он вообще по вечерам преследует одиноких девушек.

От него ярко пахнет осенью – поздней, морозной и свежей. Константин всё ещё держит обе мои руки. Может и правильно – я не до конца уверена, что нападать на него больше не стану. Лица не видно, но судя по тону, мужчина удивлён не меньше меня.

Мог бы Семенов быть убийцей? Вполне. От него веет опасностью и силой. Сейчас, когда он вынужден был защищаться, он не скрывает их. За время нашей короткой, но ожесточенной схватки он даже дыхание не сбил. Осознав, что я не представляю существенной угрозы Семенов снова превращается в ироничного и легкомысленного начальника отдела по тяжким. В полумраке раздаётся его усмешка:

– Запретил. Но мне-то запретить некому.

Константин мог бы быть убийцей, и я не исключаю его из списка возможных кандидатур. Но сейчас Семенов всё же выпускает мои руки из захвата. Шурша форменной курт-

кой, открывает ещё одну дверь в подъезд. Здесь светлее. Коктейль из ароматов соседских ужинов резко бьет по обонянию, развеив запах осени. Удивлённо моргая, иду за Константином, пытаюсь понять, злюсь ещё, или уже нет:

– Как некому? А я?

– У тебя нет таких полномочий. – Он пожимает плечами.

Не стану спорить. Поняв, что нападение убийцы на сегодня отменяется, я обхожу Семенова и поднимаюсь по ступенькам. Дыхание успокаивается. Адреналин меняет концентрацию, и я снова хочу только спать.

– Ты здесь живёшь, – произносит он без вопросительных интонаций, поднимаясь следом за мной.

После недавней стычки не могу его не поддеть:

– Капитан Очевидность.

– Майор, – поправляет он и снова улыбается.

Мы не просто соседи по подъезду, а ещё и живём на одной лестничной клетке. Не знаю, хорошо это, или плохо. Но когда я открываю дверь и вхожу в квартиру, чувствую – Семенов смотрит мне вслед.

Глава 5. Шаги назад

Falling Again Антон – Захаров, Krash

С некоторых пор я сплю чутко и просыпаюсь даже от того, что телефон, поставленный в беззвучный режим, вибрирует входящим сообщением.

«Алина, поговори со мной. Пожалуйста».

Номер незнакомый и подписи нет, но я и без того знаю кто это. На часах шесть утра. Можно ведь было бы поспать еще немного, но теперь точно не усну.

«Может стоит всё же поговорить с Олегом?» – интересуется Ри, вынужденно бодрствующая вместе со мной.

– Нет уж, – сонно бормочу я в ответ. – Нам не о чем говорить.

Поворачиваюсь на другой бок и накрываю голову ещё одной подушкой. Я ведь не просто так его заблокировала. И сбежала тоже не просто так. Просто вовремя опомнилась.

«Как не о чем? – хмыкает сестра. – А я?»

– Это не смешно, Ри.

В комнате серо и сумрачно. Осенью вставать по утрам – настоящая пытка. Особенно, если ночью спалось плохо, а ду-малось о таинственном убийце – очень даже хорошо. Я так и не нашла никаких зацепок, но не собираюсь сдаваться. Олег, видимо, тоже – не получив ответа на сообщение он звонит.

Приходится ответить. Как минимум для того, чтобы злое-ще поинтересоваться:

– Ты время вообще видел?

– Я видел, что ты в сети. Не подумал про разницу в часовых поясах. Я со вчерашнего дня в Москве, а здесь ещё вечер. Извини. – Олег и сам удивлён, что я взяла трубку. Но зная, что я как взяла, так и положу, он торопливо произносит: – Тебе не следовало уходить, не поговорив. Почему ты заблокировала меня и не отвечаешь?

– Не думаю, что разговор мог бы что-то исправить. Мы не должны были...

Не подобрав произошедшему подходящего определения, я нехотя сажусь на кровати. Включаю ночник. Шуша, разбуженная светом и моим ворчанием, выбирается из пластикового домика. Держась за прутья клетки, крыса внимательно смотрит на меня красными бусинами глаз.

– Значит, злишься? Вiniшь меня? В этом всё дело? – допытывается он.

Сложно сказать, кого я виню больше. Его? Себя? Ринку?

«Я правда думала, что раз вы оба страдаете после моей смерти, так будет лучше», – смущенно оправдывается Ри.

В её словах присутствует логика. Вот только спать с женихом погибшей сестры – не самая лучшая идея. Всё как-то само собой произошло, словно в густом и зыбком тумане. Я эту ночь толком не запомнила даже. Но проснувшись в квартире Олега, разглядывая их с Ариной совместное фото

на прикроватной тумбочке, поняла вдруг, что из той комы, в которой я существую, следует выбираться. Тогда и начала действовать.

– Это было ошибкой, Олег. Дурацкой и глупой ошибкой...

– Не было, – с отчаянием в голосе перебивает он. – Нас обоих тянуло друг к другу. Ты боишься осуждения? Неодобрения? Чужих упреков?

– Ничего. Я. Не. Боюсь, – выговариваю я по слогам, на случай если он не понял. – Не нужно мне больше звонить в шесть утра. И вообще – никогда не нужно.

Положив трубку, долго невидящим взглядом пялюсь в стену. Если нас и тянуло друг к другу, так только потому, что каждый считал, будто сумеет таким идиотским способом заполнить сквозную дыру внутри. Она образовалась в тот момент, когда в свежую могилу с глухим шуршанием сыпалась сухая земля. Тогда осознание страшной действительности пришло и накрыло одномоментно огромной морской волной, как в обратных течениях, несущих жертву на глубину. Захлебываясь, я барахталась так почти год.

«И что, тебе совсем не понравилось? – осторожно интересуется Ри. – Олег всегда был... весьма неплох».

Она сама подталкивала меня к нему. Убеждала, что станет легче. В какой-то мере стало – ведь именно этот шаг стал отправной точкой, после которой я нашла в себе силы плыть против течения. В любом случае, продолжать общение с женой Рины в мои планы не входит:

– Если в близости с ним и было что-то приятное, то послевкусие легко это перечеркнуло. А то, как он надоедает теперь своими звонками, ещё и жутко раздражает. Как ты это терпела?

«Сама знаешь как. – Если бы Ри была жива, сейчас знакомо пожала бы плечами и закатила глаза. – Я всегда делала так, как было нужно, а ты – так, как хочется».

В этом она права. Если отец и мог на кого-то положиться, так это на неё. Именно Арина в угоду ему отучилась по специальности «Менеджмент в гостиничном и ресторанном бизнесе», поступила в магистратуру на «Стратегическое управление и инновационные технологии в индустрии гостеприимства» и проходила курсы по программе соответствия швейцарским стандартам.

Узнав о том, что его вторая дочь выбрала факультет юриспруденции, папа неделю со мной не разговаривал. Потом смирился, решив, что юрист в семье не помещает, но когда я устроилась в следствие, наши отношения окончательно испортились. К счастью, у него была Рина – образец послушания и дочерней преданности. Именно она должна была выйти замуж за генерального менеджера сети отелей Меркурий – Олега Фомина и полностью замкнуть на себе семейный бизнес. Должна была – до событий, произошедших год назад. Судьба распорядилась иначе и теперь никто никому ничего не должен.

В раннем звонке Олега тоже есть положительный момент

(это Ринкин оптимизм во мне говорит, не иначе) – у меня появляется лишний час, чтобы откопировать краденное дело. К началу рабочего дня оригинал уже лежит в архиве так, словно никто его оттуда не уносил, а копии – дома на столе.

– Малинина? Ты сегодня рано, – заглядывает в кабинет Тетерин. – Как с расследованием?

– Пока никак, – честно признаюсь я. – Сегодня к Морозову съезжу, может он после вскрытия что интересное расскажет.

Очень рассчитываю, что Коля найдёт на теле какие-нибудь нетипичные повреждения или детали, способные пролить на произошедшее чуть больше света. Пока я ощущаю себя в полной темноте. Мне бы крохотный огонёк. Как от спички, хотя бы.

– Вряд ли. – Паша вздыхает. – В прошлом году было что-то подобное. Не помню деталей. Кажется, его Захар расследовал. Спроси у него или у Крылова. Вдруг серия...

Киваю, но понимаю, что ничего и ни у кого спрашивать не буду. О том, что это серия, мне известно и так, а объединение дел быстро рассекретит причины моего появления в отделе. Чем дольше руковод остаётся о них в неведении, тем дольше я могу искать убийцу открыто, не таясь.

Поэтому, когда Крылов на утреннем совещании интересуется у меня результатами, коротко отвечаю:

– Расследую. Хвастаться пока нечем.

Молюсь, чтобы Тетерин не ляпнул про прошлогодний

эпизод, но Пашка в этот момент шепчется о чём-то с Серегиным. Федор Михалыч, вероятно, и не ждал от меня прорыва, поэтому, спокойно переходит к Скворцову, принявшись отчитывать того за волокиту.

Остаток совещания я разглядываю кружащиеся в солнечном луче пылинки и размышляю, как и почему убийца почти не оставил следов. Неужто он их в перчатках душил? И чем душил? Почему именно там? Как вышло, что никто не услышал и не увидел? Девушки ведь сопротивлялись? Или нет?

– Алин, тебя возле кабинета посетитель ждет, – предупреждает Светочка, когда я, всё ещё погруженная в раздумья, бреду по коридору.

– Посетитель? Странно, я никого не вызывала... – бормочу я, но едва заметив мнущуюся у дверей фигурку в черной куртке, понимаю, по какому поводу явилась гостя.

Она поднимает на меня взгляд и встаёт с низкой скамейки у входа:

– Вы ведь Алина Владимировна? – Голос у неё хрипловатый и дрожащий, а глаза – заплаканные. После моего кивка она представляется: – Я Юля – сестра... Саши Власовой.

Родственников жертв по таким делам можно не вызывать. В первые дни после убийства следователь нужен им больше, чем они – ему. Скрывая досаду оттого, что мне нечем обнадежить девушку, я делаю вид, что увлечена открыванием дверного замка, хотя легко могла бы сделать это наощупь:

– Проходите в кабинет.

– Нам... – начинает она, неуверенно бредя следом за мной. – Мне в морге сказали... сказали, что Сашу не выдают без вашей справки.

– Верно сказали. – Я со вздохом сажусь за стол, а Юле киваю на стул для посетителей. – Но я не могу выдать разрешение на захоронение, пока не будет готова судебно-медицинская экспертиза по результатам вскрытия.

Следовало сформулировать фразу иначе – собеседница морщится, словно от боли. Весь мой такт и сочувствие испарились куда-то, когда передо мной сидит человек, переживающий то же самое, что год назад пришлось пережить мне. Наверное, Юле стало бы легче, если бы я рассказала. Но я смотрю, как поникли её плечи, как дрожит подбородок и молчу.

– Там говорят, что экспертиза готова, – Власова прижимает к груди ладонь, словно это поможет удержать рыдания, которые вот-вот оттуда вырвутся, но продолжает: – А ещё – что для разрешения на кремацию нужна отдельная справка.

Надо же, Морозов тоже не любит незакрытые гештальты. Быстро он успел и вскрытие произвести и экспертизу подготовить. Ещё бы толк от этого был. А девушку, сидящую напротив, мне снова приходится разочаровывать:

– Простите, Юля. – В горле отчего-то тоже скребет наждачной бумагой, и я вынуждена откашляться. – Я не могу выдать вам такой справки.

В такие моменты ненавижу свою работу. За вот это непра-

вильное и ненужное ощущение вины. Оно медленным и жгучим ядом отравляет день, который ещё только начался. Девушка за столом готова расплакаться:

– Мы с Сашей... понимаете... обсуждали раньше... и она хотела, чтобы её кремировали. Для неё это было важно.

Мы с Риной тоже обсуждали такое, да и не только такое – всё на свете. Люди, с восторгом рассказывающие о том, что нашли свою вторую половинку не представляют какво это, когда твоя половинка уже родилась вместе с тобой. Мы не только поддерживали, мы дополняли друг друга. И сейчас я ластик без карандаша, ключ без замка, лак без кисточки или фонарик без батарейки – лишенная смысла.

– Понимаю. – Виновато поджав губы, я стискиваю в пальцах ручку так, что рискую её сломать. – Но в таких случаях, как ваш, я не могу дать такого разрешения. Тело – одно из доказательств...

Замолкаю, потому что в этот момент в кабинет врывается Скворцов. В одной руке у коллеги неизменная кружка, в другой – телефон, прижатый к уху. Захар громко смеётся какой-то шутке, которую только что услышал от собеседника. Как же не вовремя он притащил сюда свою жизнерадостность! Я стреляю в соседа по кабинету таким убийственным взглядом, что его широкая улыбка тут же гаснет, а сам он, пятясь назад, отчаливает обратно в коридор.

Но это не помогло: дыхание Юли учащается, она часто моргает, а в мигом заблестевших глазах отражается холод-

ный свет офисных ламп. А ведь я ещё ей про вероятность эксгумации² не рассказала. И, пожалуй, не стану, потому что она уже услышала в моём молчании нечто гораздо более страшное, представила и сделала выводы.

– Ничего вы не понимаете! – в отчаянии восклицает Власова. – Сашка всегда была такой яркой, милой и обаятельной! У неё не было врагов, совсем! Таких как она не убивают!

Слёзы всё же льются из покрасневших глаз ручьями, и Юля закрывает ладонями лицо. Плечи содрогаются от рыданий, сдерживать которые она больше не в силах. Мне тоже становится тоскливо до крайности. Сердце сжимается от ощущения потери и пустоты там, где когда-то занимала своё место сестра – интуитивно понимающая и эмоционально связанная со мной настолько, насколько никогда не будет связан никто другой. Я тоже сейчас расплакалась бы, если бы умела.

Часы в голове тикают оглушительно. Я ведь с таким трудом выплыла, считая, что сумела убраться подальше от той вязкой трясины, которая тянула на темное дно. Сейчас я плыву назад в это бескрайнее болото так же, как Захар только что – в коридор. Шаг назад. Ещё один. И ещё. Занятая собственными переживаниями собеседница не видит, как я

² Эксгумация – это извлечение останков из могилы для перезахоронения или проведения судебно-медицинской экспертизы. Может проводиться по требованию правоохранительных органов в рамках расследования.

прикрываю веки и сжимаю край столешницы до боли в пальцах. Не слышит, как учащается моё дыхание. Не чувствует, что моя топь куда глубже и страшней. Если только чудовищность и невыносимость страданий вообще поддаётся сравнению.

«Т-ш-ш-ш, я здесь Ли, – раздаётся в голове сквозь громopodobное тиканье. – Я с тобой. Я рядом. Сейчас и всегда».

Грохот в сознании стихает. Дыхание выравнивается. Я прихожу в себя до того, как Власова успокаивается и, утирая слёзы, поднимает на меня опухшее лицо. Мой ответ получается спокойным и почти бесстрастным:

– Я понимаю чуть больше, чем вы думаете, Юля. Дайте немного времени. Сегодня я ознакомлюсь с результатами экспертизы и постараюсь рассмотреть возможность кремации. Не могу ничего обещать, но сделаю всё, что в моих силах. И я найду её убийцу. Обязательно найду, чего бы мне это ни стоило.

Звучит пафосно, но суть не в словах. В самом моём тоне столько искренней убежденности и решимости, что даже не зная правды об Арине, Власова чувствует их. Догадывается, что за моими словами есть нечто глубоко личное.

– Это вообще можно пережить? – тихо спрашивает она, продолжая всхлипывать.

– Это нужно пережить. – Избегая смотреть ей в глаза, я пялюсь в монитор. Там то самое разрешение на захоронение, но сфокусировать на нём внимание получается с трудом. По-

этому я с непроницаемым лицом повторяю ложь, которую год назад все, кому не лень, повторяли мне: – Со временем станет легче.

После ухода Власовой, я какое-то время сижу за столом, тупо уставившись в одну точку. На самом деле время не лечит. Оно просто учит нас жить с болью внутри, вплетает её в ежедневный быт, делает привычной, родной и обыденной.

– Ты чего, Малина? Сломалась? – интересуется Скворцов и машет перед моим лицом ладонью.

И только в этот момент я вообще замечаю его присутствие. Трясина за моей спиной никуда не делась. Ещё крохотный шажок назад – и всё, оступлюсь, затянет. Но я снова пойду вперед.

Глава 6. Приёмы борьбы

The Brave – SATV Music

– Куда это ты? – Захар всё ещё топчется зачем-то у моего стола.

От него пахнет кофе, сигаретами и любопытством. Я для всего отдела неведомая зверушка: непонятно зачем явилась сюда на нижестоящую должность и непонятно чего от меня ожидать. Крылов вчера вполголоса жаловался Осипову, что женщина в следственном отделе, как на корабле – к беде. Светочка не в счёт, она – секретарь, а вот я – другое дело. Разве нормальная будет торчать на работе до ночи, выезжать на трупы или изнасилования, общаться с преступниками? Но я ведь и на нормальность не претендую. Коротко бросаю Скворцову:

– В морг.

– Зачем? – Он округляет глаза. – Водитель поедет, он сам все экспертизы и ответы на запросы заберет.

Захар точно был бы не против, если бы водитель и обвинительное заключение за него печатал. Я не собираюсь сдаваться.

– Раз еду, значит надо.

То, что я хочу обсудить с Морозовым, достаточно конфиденциально и нетелефонно. И уж точно не предназначено

для ушей Скворцова. Он бы с таким рвением свои дела расследовал, как в чужие лезет.

Такси уже ждёт у входа. С каждым днём становится всё холоднее, и я застёгиваю на розовой куртке все пуговицы. Поднимаю воротник. Я никогда не купила бы себе такую, а эта – Ринкина. Короткий норфолк до их пор пахнет сладкими цветочными духами, и я не уверена, что когда-нибудь сумею заставить себя его постирать. Сама не заметила, как ко мне перекочевала половина гардероба сестры. Иногда даже кажется, что Ри никуда не ушла и вот-вот ворвется в комнату, чтобы отругать за то, что утащила её любимый розовый свитер. Но она больше не ворвётся. Только в мою голову разве что, хотя тоже без спроса.

Бурые опавшие листья беспокойными крысами мечутся по дороге. Разлетаются и вихряются под колесами машин. Город кажется полупустым и неудобным. С осыпающейся извештой стен, разбитыми фонарями и глубокими выбоинами в асфальте. Я всеми силами стараюсь его не ненавидеть, но всё-таки ненавижу. Если бы только она сюда тогда не приехала...

«Город ни при чём. Скворцов и Серегин ни при чём. Семёнов ни при чём, – перебивает мою мрачную меланхолию Ри. – И даже тот, кто убил меня – всего лишь орудие. Есть некто более глобальный. Он отмеривает время: кому сколько, и просто в нужный момент чик – и обрезает нужную ниточку».

Чтобы не пугать таксиста, не отвечаю. Рина всегда верила в судьбу, провидение, любовь и прочую чушь. Я не верю. Но верю в справедливость. В моей работе нельзя иначе. Поэтому я найду того, кто отобрал у меня сестру. Того, кто отобрал сестру у Юли Власовой. Найду и заставлю нести ответственность за содеянное. Нога в ногу с этой уверенностью, шагаю в морг – одноэтажный, мрачный, с покосившейся вывеской.

– Алина? – удивляется Морозов. Он появляется в коридоре в не первой свежести белом халате и перчатках. – А я уже экспертизу по Власовой вашему водителю отдал.

– Ничего. Потом почитаю. У тебя есть минутка, Коль?

Судмедэксперт с готовностью кивает и я, осторожно подцепив мужчину за локоть, отвожу чуть дальше от стойки регистратора.

– Что там по экспертизе в двух словах?

– Да в целом ничего необычного. Странгуляционная асфиксия, но я тебе об этом сразу говорил. Пара ссадин, почти незначительных.

– И всё? – стараюсь, чтобы личная заинтересованность не звучала в голосе слишком явно.

Это для Коли Саша Власова – просто материал для работы. Очередной, как бы жутко это ни звучало. А для меня ведь важна каждая деталь, даже незначительная. Морозов снимает перчатки и, подумав пару секунд, добавляет:

– Ах, да! Ещё обнаружил остаточный этанол и метаболиты миорелаксантов, я там в тексте тебе подробно расписал.

Киваю и делаю мысленную заметку уточнить у родственников Власовой, какие препараты она принимала. Была ли чем-то больна? И с кем пила перед смертью. У Рины нашли похожую смесь. Вряд ли это совпадение.

– А что скажешь о том, чем её могли задушить? Может есть какие-нибудь предположения?

– Точно не скажу, – вздыхает судмедэксперт и гадает: – Что-то типа ткани. Жестче шарфа, но мягче галстука. Я бы ставил на галстук, но кажется, будто душили чем-то более коротким и нескользким. Когда установите лицо, расскажи мне что это было, самому интересно.

Мне нравится это его оптимистичное «когда» и я задаю Коле еще несколько вопросов. Он располагает к себе, несмотря на неоднозначную профессию. Характеристика «жестче шарфа, но мягче галстука» к нему самому неплохо подходит. Он вовсе не затравленный книжный червь, которым показался изначально. Морозов по-настоящему увлеченный и талантливый эксперт. Такой как он, точно понравился бы Рине. Поэтому, взвешивая необходимость задать следующий вопрос, я всё же решаю, что могу ему доверять:

– Коль, а помнишь похожий труп девушки? Год назад.

Мужчина хмурится. Вспоминает. А потом выдаёт:

– Розовые волосы?

Я киваю, позволив собеседнику внимательно взглядеться в моё лицо. Кажется даже, что Коля сейчас всё поймёт – Семёнов же легко догадался. Но он лишь качает головой:

– Помню, что была девочка, тоже задушенная, но её Ко-нюхов вскрывал. Он месяц назад в край перевёлся. Кажется, там не было ничего особенного, иначе он рассказал бы. А то дело раскрыли? И чем её задушили?

Скорее всего, тем же, что и Сашу Власову. Я и без Ко-нюхова по фототаблице определила схожесть странгуляци-онной борозды в обоих случаях. И пока еду в такси обрат-но в отдел, кручу в голове фразу «жестче шарфа, но мягче галстука». Что-то, что у душителя всегда при себе. Что-то важное? Символичное? Или просто первый, подвернувший-ся под руку лоскут? Звонок телефона отрывает от раздумий и в кабинет я поднимаюсь с трубкой у уха:

– Алина Владимировна, я для вас акт готовлю, – взволно-ванно начинает кинолог после обмена приветствиями. – А можно я там не буду указывать, что Лайма на следственную группу зарычала? Понимаю ведь, что должна, но она моя, личная, и если начальство узнает, могут быть проблемы. Она ещё на прошлой неделе на задержании мужика за пах укуси-ла...

Зато Лайма нашла для меня сумочку жертвы и уже за это я очень ей благодарна. Не уверенная, что хочу знать подроб-ности истории с чужим пахом и задержанием, я прерываю:

– Хорошо, не указывайте.

Но я-то знаю, что служебная собака сагрессировала на следственно-оперативную группу и даже если этот факт не будет указан в акте, запомню. Оказавшись в кабинете, я за-

думчиво рисую на уголке черновика оскаленную собачью морду. Что именно могло не понравиться Лайме? Чей-то резкий запах? Голос? Внешний вид? Пытаюсь вспомнить, что именно происходило в этот момент, но сознание почему-то сохранило его урывками – я слишком переживала из-за случившегося, фокусировала внимание на каждой детали, злилась на чужое бездействие и сама готова была отчаяться.

– Малинина, Скворцов собирайтесь! – провозглашает через полчаса Пашка, просовывая в дверь кабинета темно-волосую голову. – Через пять минут выезжаем!

– Куда? – подняв взгляд от документов, переспрашиваю я у него, но Тетерин уже скрылся в коридоре и отвечать приходится Захару:

– В спорткомплекс, нормативы сдавать. По физподготовке.

Он нехотя поднимается из-за стола и потягивается, разминая затекшую шею.

– Какие ещё нормативы? – Я тоже встаю и возмущённо упираю руки в бока. – Мы же не полицейские!

– Крылову скажи, – фыркает сосед по кабинету, облачаясь в куртку.

– И скажу! У меня еще три допроса на сегодня запланировано.

– Перенеси лучше свои допросы, Малина, – советует Захар и снимает с вешалки розовый норфолк для меня. – Ты не первая кто пытался переспорить Михалыча в этих вопро-

сах, но тут дело гиблое – бесперспективняк. Руковод считает, что его следователи должны быть не хуже полицейских. Говорит, что о нас заботится, но на самом деле – меряется хозяйством с Ежовым.

– Ежов – это начальник полиции? – Забрав у Скворцова куртку, я просовываю руки в рукава, а коллега кивает.

Сменная одежда и кроссовки есть в запасе у каждого – никогда не предугадаешь, куда может занести на очередной осмотр и чем он закончится. Ехать приходится вместе с Сергиным и Захаром. Первый всю дорогу с отсутствующим видом смотрит в окно, второй – ведет машину и трещит без умолку. Я вполуха слушаю, как Светочка клеилась к одному из жалобщиков, Родионов надел на совещание рубашку шиворот навыворот, а новый зампрокурора летом умудрился жениться, не предупредив об этом невесту.

– Зачем ты перевелась к нам, Алина? – вполголоса интересуется Кирилл, отвлекшись от разглядывания унылого пейзажа. Добавляет, кивнув на Захара: – Явно же, не его байки слушать.

– У вас здесь работы меньше, – легко вру я. – И от руководства подальше.

Коллеги со скепсисом переглядываются. Кажется, моя ложь звучит для них не очень убедительно. Захар с усмешкой любопытствует:

– А там что, не до одиннадцати работают, а до двенадцати тридцати?

Рабочий день в следственном комитете ненормированный настолько, что часто перетекает из одного в другой без перерыва. Особенно во время дежурств или перед направлением дел в суд. К счастью, за меня успели выдумать столько причин, что мне остаётся только выбрать подходящую:

– Ну признайся, это просто к тебе в крае клеился кто-то? С руководством не сработалась? Или от жениха сбежала? – выдвигает очевидные и невероятные гипотезы Серегин.

– Последнее, – коротко признаюсь я и отвожу взгляд.

Я ведь действительно сбежала от жениха, пусть и не от своего. От выяснения подробностей спасает то, что Захар останавливает машину у большого спорткомплекса. Полицейские оттуда как раз расходятся, а мы, наоборот. Впереди важно вышагивает Крылов, за ним – Тетерин и Осипов, а мы трое – плетемся следом. Захар негромко сетует:

– Сложно тебе придётся, Малина. Федор Михалыч требует от всех знания боевых приемов борьбы, а это – вообще не для баб занятие.

– Следствие – вообще не для баб занятие, – я бесстрашно пожимаю плечами. – Но я уже шесть лет работаю как-то.

Необходимость проверять знание приёмов меня не пугает. В ведомственном вузе нам этот предмет целых пять лет на физподготовке преподавали – сложно было не запомнить. Сменив свитер на футболку, я уверенно стягиваю кроссовки и встаю на борцовских матах напротив Скворцова.

– Я буду тебе поддаваться! – театральным шепотом сооб-

щает Захар, но я в тон ему отвечаю:

– А я не буду. И тебе не советую, Скворчонок.

Крылов и Ежов стоят в стороне, наблюдая одновременно и за нами, и за оставшимися полицейскими. Удивив и их, и проверяющего, я с готовностью демонстрирую действия при угрозе пистолетом с использованием рычага руки наружу. После болевого коленом на локоть Скворцов быстро жалеет о своем решении давать мне фору и предлагает Кириллу занять его место.

Но я ведь на них обоих злюсь почти одинаково. Первый – дело толком не расследовал, а другой его приостановил и отправил в архив. Вряд ли Серегин понимает, за какие заслуги загиб руки за спину получается для него таким болезненным. Техника отработана мной до автоматизма и каждый прием тело выполняет само, почти без раздумий.

– Ты так Крылова без следователей оставишь, Мальвина, – с ленивой усмешкой комментирует Семенов.

Скрестив руки на груди, начальник оперативников снисходительно наблюдает за происходящим. Ему самому, очевидно, приёмы демонстрировать не нужно – Константин даже футболку переодевать не стал, оставшись форменной рубашке с закатанными, несмотря на прохладу, рукавами.

– Хотите поассистировать вместо них? – подняв брови любопытствую я.

Я ведь отчего-то злюсь на него куда больше, чем на всех остальных. И за дурацкое прозвище, и за эту самодовольную

усмешку, и за то, что год назад он не выполнил свою прямую обязанность – раскрыть убийство Рины.

«Не провоцируй его, Ли», – со вздохом просит голос сестры в голове.

Но я не могу сдержать себя. От желания вмазать Семенову у меня чешутся ладони. Тем более, потирающий локоть Кирилл с легкостью уступает Константину своё место и отходит подальше.

– Мне показалось, или ты избегаешь меня, Мальвина? – негромко интересуется начальник оперативников, оказавшись напротив меня.

– Вам показалось. – Я принимаю правостороннюю боевую стойку.

– Тогда почему после вчерашнего происшествия на моем столе нет стопки поручений на розовых листах?

От того, что Семенов снова язвит, ладони начинают чесаться сильнее. Вообще-то я специально отдала поручения напрямую Родионову, а он забрал их с невозмутимым выражением лица и обещанием исполнить.

– Возможно она просто на другом столе? – парирую я. – Не на вашем?

Проверяющий обрывает наш диалог громогласной командой:

– Действия при угрозе пистолетом в упор сзади с использованием рычага руки наружу!

Его голос эхом отражают стены зала, потому что шум вне-

запно стих. То, что Семенов оказался со мной в паре, привлекло к нам обоим внимание. На меня и без того глазели как на диковинку, а теперь – смотрят вообще все, без исключения. Это заставляет злиться еще больше.

– И на чьём же столе они лежат? – интересуется неожиданный напарник.

Не торопясь, он берет деревянный макет пистолета и встаёт за моей спиной. Когда там стояли Захар и Кирилл, это не вызывало такого дискомфорта. Такого чувства надвигающейся опасности и желания сбежать. Сердцебиение учащается, и потеют ладони, которые только что чесались выдать Семенову по заслугам.

– На столе Родионова, – признаюсь я, ожидая, пока ассистент шагнет ближе.

Между лопаток упирается макет пистолета, а из-за спины одновременно с этим раздаётся:

– Поручения, направляемые на моё имя, должны быть на моём столе. Не делай так больше. Не создавай Тимофею лишних проблем.

Кажется, он не вкладывает в слова угрозы, но я её чувствую. Интуитивно ощущаю собственную уязвимость, и мне это не нравится. Тело снова действует на автомате.

С шагом и разворотом я отбиваю руку за спиной и ухожу с линии атаки. Захватываю кисть Константина за запястье, резко дёргаю, прижимая его предплечье к своему бедру. Расслабляющие удары принято имитировать, но я быю Семено-

ва локтем в живот вполне ощутимо и, одновременно давя на предплечье, вывожу мужчину из равновесия.

– Чтобы вы снова бегали жаловаться на мои запросы Крылову? – шиплю я, наклонившись ниже.

«Так его!» – поддерживает голос Ри и злость во мне превращается в ярость

Техника верная и Константин уже лежит на боку. Остаётся лишь выполнить приём «рычаг руки наружу» и перевернуть ассистента на живот, чтобы ограничить свободу передвижения и окончательно обезвредить. Но в этот момент Семенов легко перехватывает запястье и резко тянет с такой силой, что через секунду я, упираясь ладонями в его грудь, тоже оказываюсь в горизонтальном положении.

– Я не жаловался. – Серо-голубые глаза мечут молнии, а между бровей недовольная морщинка. – Это было любопытство, только и всего.

– Не люблю быть объектом любопытства! – фыркаю я, пытаясь сделать вид, что его неожиданный маневр не выбил меня из колеи. Техника-техникой, но различие в весовых категориях не оставляет мне шансов: – Лучше бы вы...

Собираюсь в очередной раз высказать Константину претензии насчет работы его отдела, но следующим движением он переворачивается и, упираясь в мат, оказывается надо мной:

– Позволь помочь тебе, – просит Семенов тихо и серьезно. Теперь, когда обе руки в его захвате, сопротивляться не

получается. Приходится лежать вот так, унижительно при-
давленной к мату. Ярость стихла, сменившись чем-то совсем
другим. Страхом? Я даже не сразу понимаю о чём он и сдав-
ленно переспрашиваю:

– Помочь?

– Найти убийцу. Ты ведь для этого здесь.

Замираю бабочкой, приколотой к доске энтомолога. Даже
дышать перестаю. Только сейчас осознаю, насколько Семен-
нов огромный. В сравнении со мной – ротвейлер по соотно-
шению к тойтерьеру. Внимательно вглядываюсь в лицо на-
против. Зрачки топят голубые радужки, губы плотно сжаты,
резко выделились скулы, а светлая челка свесилась так низ-
ко, что почти щекочет мой лоб. Он предлагает то, на что я
сама когда-то втайне надеялась. Правду говорят, что мечты
сбываются лишь тогда, когда уже не надо.

– Не засчитано! – Вопль инструктора напоминает, что
кроме нас двоих здесь собрался целый зал зевак. – Ещё раз!

Отжавшись от мата, Семенов легко поднимается. Я тоже
встаю, демонстративно проигнорировав предложенную им
руку. Приём мы повторяем молча и на этот раз Константин
не оказывает сопротивления, послушно позволив уложить
себя на мат и загнуть руку за спину.

– У вас был для этого целый год, – тихо и яростно говорю
я, наклонившись к самому его уху. – А теперь я справлюсь
сама.

Глава 7. Ужасные соседи

Signs – SHELLS, Saint Mesa

День начинается с визита к криминалистам, где я разглядываю фототаблицу, а Валя создаёт вокруг атмосферу непрекращающейся суеты. Его вопросы звучат непрерывным жужжанием и сфокусировать внимание на снимках непросто.

– Может кофе?

Кажется, следователи нечасто приезжают сюда лично. Но пока я шла от такси в отдел полиции, пальцы успели замерзнуть, поэтому выпить чего-нибудь горячего не помешает:

– Лучше чаю, если есть.

– С сахаром?

– Не люблю сахар. Есть мёд или варенье?

Но ни мёда, ни варенья, у Тихомирова нет и он, страшно расстроенный этим фактом, всё-таки садится за стол напротив. В ожидании вердикта о своей фототаблице, Валя постукивает пальцами по столешнице, явно не зная куда деть руки. То и дело поправляет воротник форменной рубашки.

Он зря переживает. Фото отличные. Четкие, детальные, с хорошими ракурсами и измерениями. Дом. Тело. Крупные планы лица и странгуляционной борозды. Макросъёмка ссадин. Хвалю Тихомирова – он заслужил, но тут же спраши-

ваю:

– А что по следам?

Я ведь заставила его изъять с места происхождения окурки и пару жестянок из-под газировки, хоть Валя и упирался, считая, что к телу жертвы они точно отношения не имеют.

– Есть пара следов пальцев. – Криминалист пожимает плечами. – Нечеткие и вряд ли относящиеся к твоему делу. Но я направил их на экспертизу.

Теперь всё зависит от неё, а ещё от того – есть ли нужные отпечатки в дактилоскопической базе³. Придётся ждать, других вариантов нет. Теплая кружка с несладким чаем быстро согревает замерзшие пальцы и, отпив глоток, я интересуюсь:

– Год назад был похожий осмотр, помнишь?

Почти минуту Валя сидит с задумчивым видом, даже чешет затылок, пытаясь таким способом выскрести оттуда нужные воспоминания, но потом качает головой:

– Не помню, если честно. – Он обводит виноватым взглядом заваленный вещдоками и документами кабинет. – Работы столько, что приходится допоздна с заключениями сидеть. На нас ведь не только комитет, но и полиция, причём еще и транспортная. Экспертов не хватает, сама видишь, дежури́м практически через сутки.

Вижу. И даже сочувственно вздыхаю, но особой жалости

³ Дактилоскопическая база – это база данных, содержащая отпечатки пальцев людей, которые используются для идентификации личности, расследования преступлений и обеспечения безопасности.

не чувствую. В следственном комитете точно такой же недо-
бор и точно такой же нескончаемый рабочий день. Такие же
нагрузки и вечно недовольное руководство. Но я не вижу
причин ныть и оправдывать таким образом собственную за-
бывчивость. Каждая профессия важна. Моя нужна мне са-
мой, особенно сейчас.

К сожалению, так думают не все. Вернувшись в собствен-
ный кабинет, я помимо Скворцова, обнаруживаю там Сере-
гина, Тетерина и Светочку.

– О! – радуется моему появлению Захар. – Заходи, Мали-
на, мы тебе пиццу и торт оставили!

Еда – это неплохо – я как раз не обедала. Озвученные уго-
щения уже расставлены на столах прямо поверх документов.
Обстановка вокруг совершенно нерабочая – шумная и весе-
лая. Даже праздничная. Поэтому я интересуюсь:

– А что отмечаем?

– Мне приказ на звание пришел, – хвастается Скворцов.
– Я теперь тоже старлей, как ты.

Он с гордостью вертит в руках новенькие тёмно-синие по-
гоны, а в пустой рюмке на столе поблескивают золотом звез-
ды – представиться по случаю сосед по кабинету уже успел.
Странно даже, что он пил что-то помимо кофе.

– Поздравляю, Скворчонок, – хмыкаю, понимая, что луч-
шее пожелание в его случае – начать, наконец, нормально
работать. Но я сдерживаюсь: – Карьерного роста тебе, успе-
хов, и вот этого всего, нужного.

Сидящий на подоконнике Тетерин, посмеивается:

– Как-то неискренне прозвучало, – он салютует кружкой, но в ней чай – рабочий день после спонтанного застолья никто не отменял.

– Как есть. – На губах появляется подобающая случаю усмешка. – Захар – тот ещё сосед по кабинету.

Теперь смеются все – очевидно, Скворцовское разгильдяйство ни для кого в отделе не секрет. Светочка тут же рассказывает о том, что Захар сменил уже три кабинета, успев пососедствовать с Серегиным, Тетериным и Авдеевым. Последний даже уволился. Не из-за соседа, конечно, но кто знает.

– А ещё до тебя год назад тоже девушка-следователь была – Оксанка, но она забеременела и в декрет ушла, – рассказывает секретарь, а потом невозмутимо интересуется: – Ты сама-то пока туда не собираешься?

От такого предложения я давлюсь пиццей. Декрет – это что-то невообразимо далекое, из другой вселенной. У меня даже отношений нормальных нет. С тем же успехом Светочка могла спросить, планирую ли я, например, лететь на Марс или отправиться в полярную экспедицию.

– Я собираюсь только на допрос после обеда, – откашлявшись, запиваю вставший поперек горла кусок чаем. – Декрет для следователей комитета – нечто на грани фантастики.

– Почему? – оживает Серёгин. Жестикულიруя недоеденным куском, он рассуждает: – Осипов вон, женат и у

него сын. У Крылова – две дочери. У меня девушка есть, а у Светки – целых три ухажера.

– У Светы рабочий день до шести, а Осипов, Крылов, и ты, Кирилл – мужчины. – Я рассматриваю расставленные на столе коробки, выбирая пищу поаппетитнее. – Женщины, готовые ждать мужей до ночи, встречать грязными, злыми и уставшими – существуют, а мужчины, которые станут терпеть то же самое от жен – нет.

Я уяснила это, едва устроилась в следственный комитет. Парень, с которым мы жили тогда, сбежал через две недели такого противоречивого сожительства, но не сказать, чтобы я сильно расстроилась. У рабочей загруженности есть существенный плюс: она вытесняет из головы лишние мысли. О мужчинах. О семье. О детях. Лишь мыслей об убийце не вытеснила. Даже наоборот.

«Мне жаль», – коротко и печально комментирует Ри, но в шумной компании коллег я не могу ей ответить.

– Открою тебе тайну, Малина, – заговорщическим тоном произносит Скворцов. – Для того, чтобы уйти в декрет, жениться необязательно.

Уверена, родись Захар женщиной, рожал бы детей круглосуточно, лишь бы не расследовать дела. Я не успеваю высказать эту мысль вслух, потому что Света, повернувшись ко мне, добавляет:

– Особенно, если ты выбрала Семёнова.

Я снова давлюсь пищей. Светочки на сдаче нормативов

не было, а значит, в моё отсутствие меня успели не только всесторонне обсудить, но и женить на злополучном начальнике оперов по тяжким.

– Никого я не выбирала! – возмущённо заявляю я, пока очередной вставший поперек горла кусок, проваливается в желудок.

– Ну да, ну да! – хихикает Захар. – Мы видели вчера, как ты «не выбирала», если это теперь так называется!

Я досадливо фыркаю. Мысли о Семёнове и без того весь вчерашний вечер крутились в голове. Не сумев уснуть, я даже замесила тесто для миндального печенья, но так и не решилась его испечь. После предложения Константина помочь, чувства к нему плохо поддавались определению, курсируя в сознании экспрессом между станциями «раздражение», «злость» и «досада».

– Вот и не выбирай лучше, – качая головой, советует секретарь. – Каким бы привлекательным ни был Семенов – он самый непостоянный из оперов. В свои тридцать два Костя давно мог бы обзавестись семьей, но вместо этого меняет пассий чаще, чем галстуки...

Светочка явно хочет рассказать что-то ещё, но звонок от Крылова заставляет её подскочить, одёрнуть юбку и покинуть кабинет. Пока набойки туфель цокают по коридору, все молчат. Я снова размышляю о Семенове. Начальник оперативников не показался мне привлекательным. А постоянные насмешки, самоуверенность и заносчивость, наряду с лож-

ными дифирамбами, которые ему пели в краевом управлении, окончательно разочаровали.

– Светка, конечно, перегибает немного, – неуверенно произносит Паша, отлипнув, наконец от подоконника. – Потому что сама до сих пор в присутствии Кости хлопает ресницами вдвое чаще обычного, но он действительно тебе не подходит.

– Ты здесь недавно, и мы просто считаем своим долгом предупредить, – серьёзно добавляет Кирилл.

Захар отодвигает пластиковое блюдо с тортом и смотрит на меня с непривычной ему пронизательностью:

– И хоть ты вся такая загадочная и мрачная, Малина, ты всё равно часть нашего коллектива. Мы о тебе заботимся.

Хорошо, что я уже доела пищу, иначе подавилась бы в третий раз. Заботятся они. Лучше бы о работе думали, а не о моей несуществующей личной жизни. «Зря ты так, – тепло усмехается Ри. – Они же от чистого сердца. И это трогательно».

Не имея возможности ответить голосу сестры в собственной голове, я отвечаю мужчинам:

– Не было у меня ничего с Семёновым, нет и не планируется. И, если ты, Скворчонок, не собираешься праздновать своё звание два дня, как свадьбу, то собери посуду со стола – у меня допрос через сорок минут.

Не похоже, что коллеги поверили, но их мнение мало меня волнует. И к моменту появления в кабинете Ольги Разумовской – подруги погибшей Саши, ничто не напоминает о

недавнем празднике. Посуда убрана, а аромат пищи улетучился в открытое для проветривания окно.

– Мы договаривались встретиться с Сашей вечером, – рассказывает девушка, комкая в пальцах бумажную салфетку. – Хотели пошопиться и в кафе посидеть. Я звонила ей, но не дозвонилась.

Захар куда-то умчался. Перекочевал праздновать на кухню или в чужой кабинет. Так даже лучше. В отсутствии неугомонного соседа проще сосредоточиться. Набивая в бланке текст допроса, я стучу по клавишам, попутно уточняя:

– А такое бывало раньше? Саша могла не взять трубку или исчезнуть без предупреждения?

– Обычно нет, но я решила, что она могла уснуть, например. Думала, потом перезвонит, а утром мне Юлька рассказывала...

После этого Ольга громко шмыгает носом и принимается утирать слёзы. Из её рассказа получается, что Саша пропала ещё вечером, а задушили её – утром. Где она провела ночь? А главное – с кем? Версию о сексуальном маньяке я отмела сразу – ни Рина, ни Саша, не были изнасилованы перед убийством. Их одежда была в порядке, а повреждения не свидетельствовали о чём-то специфическом. Дождавшись, пока свидетель придёт в себя, я продолжаю допрос:

– Ваша подруга была в отношениях с кем-нибудь?

– Они с Лёшкой целый год встречаются... встречались.

Кажется, у них было серьёзно. По крайней мере, у неё к нему были чувства.

– А у него к ней? – Я тут же цепляюсь к сказанному, почуввав ниточку, за которую можно потянуть.

– Не знаю, – Разумовская пожимает плечами. – Саша ждала, что он хотя бы предложит ей жить вместе, но Лёша такой несерьёзный. Ему двадцать три всего. Может, ещё не нагулялся.

Двадцать три. А Саше – двадцать пять. Было. С высоты собственных двадцати восьми, Власова кажется мне несмышленной девчонкой. Судя по допросам, такой она и была: доверчивой, хрупкой и легкоранимой. Этим она напоминает Ринку. Очевидно, убийца посчитал так же.

Допрос затягивается на пару часов, а как только Разумовская, покидает кабинет, оставив после себя стойкий запах духов и полную корзину скомканных салфеток, я звоню Родионову:

– Можешь найти мне контакт Алексея Мартыненко? С ним встречалась Саша Власова. Наверное, он есть у родителей, но я не хочу лишний раз беспокоить их до похорон...

– Алин, а ты не могла бы запросить эти сведения поручением? – сконфуженно интересуется Тимофей.

– Дай угадаю: и передать это поручение Семёнову, чтобы он уже отписал тебе? – Я заказываю глаза. – Нет, не могла бы! Найди мне пожалуйста номер Мартыненко сейчас, а Семёнов просто об этом не узнает, идёт?

Родионов театрально вздыхает в трубку:

– Если меня уволят...

– Никто тебя не уволит, Тим, – перебиваю я. – Не забудь скинуть номер. Я жду.

После этого я кладу трубку и действительно жду, коротая время за просмотром видеозаписей. Камеры на придомовом магазине с места убийства Саши Власовой не запечатлели ничего интересного. Вечерняя выгрузка товара. Пара ночных прохожих. Несколько собаководов на рассвете – настолько сонных, что неясно кто кого выгуливает. Я проматываю кадры несколько раз, но ничего, указывающего на убийцу не нахожу. Возможно, он знал, где именно расположены камеры и прошел в слепых зонах, а возможно случайно не попал в обзор.

– Так, с меня, пожалуй, хватит, – Скворцов решительно поднимается из-за стола. – Я домой. Докинуть тебя по пути, Малина?

На часах полдесятого – время детское, но неделя выдалась непростая. Сейчас бы испечь то вчерашнее печенье, запить теплым молоком и лечь спать пораньше. Поэтому я соглашаюсь на предложение Захара и через пятнадцать минут уже вхожу в подъезд. Повезло, что сосед по кабинету подвёз меня к самому дому – я даже замерзнуть не успела. Сегодня пятница и на работу завтра можно прийти попозже. Настроение от этого беспричинно хорошее.

Я даже не придаю значения тому, что на лестничной

площадке не горит свет, и наощупь вставляю в замочную скважину ключ. Но когда щелкаю выключателем в прихожей, электрощиток внезапно вспыхивает искрами. С треском оранжевые огоньки тут же гаснут, снова погружая коридор в темноту. Но в тот миг, когда яркая вспышка осветила квартиру, я успела заметить, что моя проблема – вовсе не пожар, а потоп.

«Даже не ясно, что из этого лучше», – задумчиво произносит Ри, но она – оптимистка, а мне кажется, что «лучше» следует заменить на «хуже».

Натяжной потолок гостиной свисает сталактитами так низко, что до него можно дотянуться рукой. Я даже слышу, как где-то шумит вода. Не рискуя больше включать свет, поднимаюсь по лестнице к соседям сверху, но на требовательный стук никто не отвечает. Чертыхнувшись, звоню хозяйке своей съемной квартиры – её телефон недоступен. Хорошее настроение исчезает без следа.

У меня ведь в этом городе не то что друзей – даже знакомых нет. Приходится впервые написать в домовый чат, чтобы выяснить, что собственник квартиры над моей вообще живет за границей и ключей ни у кого нет.

«Да уж, – резюмирует голос сестры. – Нужно звонить в управляющую компанию, электрику и потолочникам, как минимум».

– Нужно, – соглашаюсь я с удивительным для сложившейся ситуации спокойствием. – Только в десять вечера ни один

из этих замечательных людей ко мне не придет.

«Значит поезжай в Меркурий. Лучше сдаться папе, чем ночевать в тёмной и холодной квартире, Ли. Отопление ведь тоже от электричества работает».

Но сдаваться папе не хочется. Я должна вернуться победительницей, раскрывшей убийство сестры, а не побитой собакой, которой негде переночевать. Меркурий – не единственный в городе, отель, но я устала настолько, что точно никуда не поеду. Завернусь в одеяло и тепло оденусь, а утром что-нибудь придумаю.

Домовой чат беспрестанно пиликает сообщениями, и я выключаю звук. Возвращаюсь в тёмную квартиру и кормлю Шу, пока оставшийся в телефоне заряд еще позволяет светить фонариком.

«Не повезло тебе с соседями, – жалостливо вздыхает Рина. – Что в отделе, что здесь. Подумай о переезде».

– Завтра дозвонюсь хозяйке квартиры и решу... – начинаю я, но замолкаю, услышав стук в дверь.

Глава 8. Новые знакомства

Then and Now – Alex Who?

О том, что на лестничной клетке имеется еще один сосед, я предпочла забыть, зато он не забыл обо мне. Семенов выходит в дверном проёме, почти полностью загораживая его широкими плечами. В луче телефонного фонарика его силуэт выглядит настолько зловеще, что я отступаю назад в квартиру.

– Слышал, у тебя здесь локальный апокалипсис, – скучающим тоном произносит Константин. – Не хочешь похвастаться?

Из домового чата подробности моих злоключений наверняка известны ему не понаслышке. Так чего он ждёт? Что попрошу помощи? Может я бы и попросила, но внезапно вспоминаю, как на осмотре места происшествия на Семенова лаяла служебная овчарка. На него ведь? А что, если это не совпадение? Только что я отчаивалась, но теперь подражая ему, лениво интересуюсь:

– А нужно? Учитывая ваши предыдущие достижения, результата не будет и через год.

Хорошо, что здесь темно и я не вижу его реакции. Сама не понимаю, зачем так старательно злю Семенова. Особенно, если он и правда причастен к убийству моей сестры. Но

впустив его в квартиру я рискую еще больше.

– Нужно, – кажется он не злится, даже усмехается. – Должен же у меня быть хоть какой-нибудь шанс реабилитироваться.

«Одно из двух, Ли, – тоже отчего-то веселится Рина. – Либо он убийца и мы наконец-то получим определенность, либо он действительно тебе поможет. Беспроигрышная ситуация, как ни крути».

– Хорошо. – Я делаю еще пару шагов назад, впуская Константина в квартиру и объясняю: – В щитке заискрило и свет не включается.

Мужчина кивает. Звякает металлической дверцей и что-то рассматривает внутри. Просит, вручая фонарик:

– Посвети, пожалуйста. Воду я по твоей линии уже перекрыл, но утром придётся что-то решать с ключами от верхней квартиры... – В этот момент щиток снова выплёвывает целый сноп ярких искр, и мужчина резко отдёргивает руку.

– Ты в порядке? – растерянно охаю я, не сразу поняв, что от испуга перешла на ты, и тут же поправляю саму себя: – Извините, Константин.

– Не извиняйся. Так было бы гораздо проще. И я бы предпочёл, чтобы ты звала меня просто Костей, Мальвина.

Скрещиваю руки на груди. Я всё ещё не уверена в том, что Семенов безопасен. Да и вообще в том, что я злюсь на него меньше, чем раньше:

– А я предпочла бы не называться Мальвиной и держать

дистанцию.

Он снова усмехается – тихо и мягко:

– Интересно ты держишь дистанцию – старательно культивируя во мне чувство вины. – Семенов захлопывает щиток и резюмирует: – Без электрика сюда лучше не лезть. Кажется, вода каким-то образом добралась до проводки.

– Спасибо, Майор Очевидность. – Я досадливо хмыкаю. – Это было ясно и до вашего прихода сюда.

Вместо того, чтобы оскорбиться, он поправляет:

– «Твоего», а не «вашего», Мальвина.

Да пожалуйста! В полной мере осознав, что ни принять горячий душ, ни зарядить телефон сегодня не удастся, я огрызаюсь:

– В любом случае, спасибо тебе за очередную безрезультатную помощь, – местоимение я специально выделяю интонацией. И чтобы зацепить еще больше, добавляю: – Доброй ночи, Костя.

– Почему безрезультатную? – Он скрещивает руки на груди и свет фонарика чётко вырисовывает мышцы под светлой футболкой. – Ты просто требуешь результатов слишком быстро. Завтра утром приедут электрик и потолочник – они со всем разберутся. А сегодня – собирай вещи и пойдем ко мне.

Предложение заставляет опешить. Настроения идти в гости, тем более, к нему, у меня нет, и даже сомнительная привилегия зарядить телефон теряет заманчивость, если ради

этого придется провести вечер с мужчиной, который бесит:

– Нет уж, спасибо.

– Эй, а как же мой шанс реабилитироваться?

– Ты уже его истратил.

Приходится признать, что Семёнов прав прав – спорить с человеком, обращаясь к нему на «ты», гораздо удобнее. Я даже перестала реагировать на его угнетающую ауру, а аромат осени, смешавшийся со сладковатым запахом горелого пластика из щитка, начал казаться приятным. Мы стоим друг к другу слишком близко. Опущенный фонарик светит на пол. Там мои ноги в голубых носках с сердечками и его – в белых кроссовках находятся в одном ярко-желтом круге, как у героев какой-нибудь театральной сцены.

Костя усиливает драматизм момента, озвучивая мои основные потребности:

– Горячая вода. Свет. Тепло. И ужин, – он делает многозначительную паузу, а потом, весело добавляет: – ...Который ты приготовишь, потому что я только что с работы пришел.

«Он не убийца, Ли», – категорично заявляет сестра, но с некоторых пор у меня нет уверенности в том, что она хорошо разбирается в людях.

Я скептически любопытствую:

– Тебе-то это зачем?

– Ну ты же так старалась, чтобы я чувствовал себя виноватым, Мальвина. – В темноте его голос завораживающе-бархатный. Он звучит низким убаюкивающим тембром,

и злость постепенно угасает. – Так вот, тебе удалось: я чувствую.

Кажется, сейчас он серьёзен, но грань между серьёзностью и привычным сарказмом для Семенова такая тонкая, что я не всегда могу её различить. Вот и сейчас, заметив, что я молчу, он с иронией добавляет:

– Ну и вопрос с ужином, опять же, сам себя не решит, а выбор блюд, которые я умею готовить сам, очень ограничен.

«Убийцы так себя не ведут, – непререкаемо резюмирует Ри. – Мне лучше знать».

Отвечаю ей, но одновременно и Семенову тоже:

– Ладно.

– Помочь собраться? – Кажется он ни секунды не сомневался в моём решении.

Ещё бы. Пирамиду Маслоу никто не отменял, а физиологические потребности всегда приоритетнее потребности в безопасности. К тому же, без света в квартире настолько холодно и неудобно, что оставаться здесь не хочется и мысленно я планирую, что взять с собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.